

9144

МУНИЦИПАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
СТИТУТ ИСТОРИИ
ЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2003-2013*

1981

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

916817

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Н.Лукин. Альфонс Олар

В.Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы»

И.Завитнович. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции

Н.Лукин. Борьба классов во французской деревни и продовольственная политика конвента в период действия 2-го и 3-го максимума

Ц.Фридлянд. 9-е термидора

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9-го термидора

С.Моносов. Последние выступления парижских предместий

Н.Фрейберг. Шомет, генеральный прокурор Парижской коммуны, в первые годы Великой французской революции

О.Вайнштейн. Французские торговые колонии на Левансе при старом порядке и в эпоху революции

Ц.Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР

Н.Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матьеза

Виктор Моисеевич Далин

МАНУФАКТУРНАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ XVIII в. В ОСВЕЩЕНИИ «РУССКОЙ ШКОЛЫ»

Роль русских историков в изучении Великой французской революции, особенно ее социально-экономической истории, никем не оспаривается. Недаром Матъез призвал историков французской революции к изучению русского языка и заявил, что «никогда так, как теперь, не жалел о том, что не использовал свою молодость для приобретения этого необходимого знания»¹.

Работы значительной группы русских историков следует рассматривать как нечто объединенное, связанное, как работы определенного направления. К нему могут быть отнесены далеко не все авторы, разрабатывавшие историю революции: ни по своему мировоззрению, ни по объектам исследования Герье и Ардашев не могут быть объединены с Лучицким. Основание к тому, чтобы говорить о «русской школе», дает известное единство социально-экономических взглядов и вытекающих из них методов изучения социально-экономических явлений².

Давая отзыв на книгу Кареева, Лавров³ писал: «На Западе историю создавали города, и, когда в среду культурных политиков... стала упорно толкаться серая масса так долго забытого большинства, она представлялась историкам преимущественно массой городских ремесленников и пролетариев... На Руси города создавались и исчезали по предписанию канцелярий, существовали лишь благодаря присутственным местам... Западный историк может лучше понять то, что относится к населению городскому; русские же исследователи могут яснее и

¹ «Annales historiques» № 24 (ноябрь—декабрь 1924 г.), обзор новейших русских работ.

² Не говоря уже о Герье и Ардашеве, даже взгляды М. М. Ковалевского, как мы постараемся дальше доказать, во многом совпадающие с оценками «русской школы», чрезвычайно во многом с ней расходятся.

³ Лавров, История Франции под пером новых русских исследователей, Соч., вып. IX, с. 101.

сочувственнее обработать... другую долю, которая принадлежит населению земледельческому». Незачем здесь вдаваться в полемику по вопросу о роли городов в русской истории: совершенно очевидно, что для народников 70-х гг. это направление интересов, это требование «сочувственного» изучения истории крестьянства были совершенно неизбежны. Именно здесь, в народническом мировоззрении, — то общее, что дает право говорить о «русской исторической школе». Лучицкий и Кареев — крупнейшие ее представители — выросли под влиянием народничества, приняли — пусть в неравной мере — его историко-философскую и социально-экономическую доктрину, руководствуясь ею в своих исторических работах. Разумеется любой из крупнейших русских историков не мог не эволюционировать: в 70—80-х гг. для Лучицкого, Кареева и Ковалевского принцип русской общины, ее сохранения, ее оправдания во всеобщей истории был абсолютно общим¹, но уже к концу XIX в. у Ковалевского примерно взгляды заметно изменились. В 1872 г. Лучицкий по живым следам событий читал лекции о Парижской коммуне². Лучицкий и Кареев ближайшим образом соприкасались с Лавровым; в 90-х гг. оба они — народники-либералы, в XX в. — оба кадеты³. В 70-х гг. Лучицкий не хотел даже знакомиться с Оларом, человеком неприемлемым для него. В XX в. сближение «русской школы» и направления, возглавляемого Оларом, — явление далеко не случайное и характерное для эволюции русской школы к либерализму. Однако, заняв определенную позицию в споре русских народников и марксистов 90-х гг., они перенесли усвоенную ими точку зрения на вопрос о жизнеспособности мелкого крестьянского землевладения, о роли кустарной промышленности, о характере расчленения крестьянства, о темпе развития капитализма, о взаимоотношениях между «промышленными и земледелием», о методах стати-

¹ «Лучицкий, как и я, был прилежным читателем «Отечественных записок» и в частности высоко интересовался общинным землевладением. В 1882 г. он поместил статью о найденных им следах общины на Украине. Общину Лучицкий изучал и на Пиренеях во время поездки в Испанию. В своей рецензии на книгу Кареева Лучицкий упрекнул его в недостаточном внимании к французской общине XVIII в. Л. не мог простить Герье его выступление вместе с Чичериным против Васильчикова об общинном землевладении» (ст. Кареева в «Анналах» № 1). Против Чичерина же чрезвычайно резко выступал и Ковалевский.

² Во время лекций Лучицкого в 1872 г. в Париже «с особым интересом слушалось изложение истории трагических дней недавней Коммуны». Вместе с Глебом Успенским, с которым Лучицкий близко сошелся, он присутствовал еще на нескольких заседаниях суда над пленными коммунарами (Е. В. Тарле, ст. о Лучицком — «Голос минувшего», № 1, 1924).

³ В 1917 г. Лучицкий, по сообщению Кареева, уже раньше тяготившийся пребыванием в рядах к-д. и «все более и более расходящийся с лидерами партии», перешел в партию народных социалистов («Голос минувшего», 1920).

эстетического инстинкта деревни — на французскую почву. Эту свою неспособность к «индустриалистским концепциям», к «преувеличенному» представлению о том, как развивался капитализм они стараются передать и своим ученикам. Когда в спокойной, преимущественно статистической работе, какой была книга о крестьянском землевладении в Лимузене, у Лучицкого вырывается резкое замечание, что «было бы грубой ошибкой видеть в них (в ремесленно-промышленной группе) каких-то представителей капитализма. Только грубое непонимание Франции, как например в Малороссии, могло повести к признанию их чуть ли не деятелями буржуазии; и во Франции XVIII в., как в Малороссии и теперь, занятия промыслом или ремеслом — не более как добавочные занятия в свободное от полевых работ время»¹, — тон автора может быть понят только в своем русском споре 90-х гг.

Когда ученик Лучицкого, Тарле, с величайшей похвалой отозвался о русской земской статистике 90-х гг., доказывает полное преобладание мелкого производства во Франции и в виде иллюстрации приводит число чанов в мыловаренных предприятиях Марсели, делит его на указанное число предприятий и получает ничтожную среднюю², то он воспроизводит уже в XX в. те же ошибки, за которые русские марксисты в 90-х гг. бичевали земских статистиков, В. В. Каблукова и пр. Разумеется «народником» Тарле считать никак нельзя; однако в основных приемах исследования, в основных посылах своей книги он стоит на почве народнических исследований русской экономики XIX в., освеженных и дополненных Бюхером.

Именно эти особенности мировоззрения и метода, перенесение этих особенностей на изучение истории Франции XVIII в., трактовка ее как страны «вовсе не капиталистической», а страны «проблуждающего мелкого землевладения и мелкой промышленности, еще не вышедшей из периода ремесленного строя»³, дают нам право изучать взгляды «русской исторической школы» как определенного направления и основание для сугубо критического пересмотра ее синтетических попыток.

При изучении аграрного вопроса эти своеобразные «реминисценции» были часто и полезны, — народнический фонарь позво-

¹ Лучицкий, Крестьянское землевладение преимущественно в Лимузене, с. 118.

² Тарле, Рабочий класс во Франции, т. II, с. 63. В «Континентальной блокаде» приведены дополнительные данные о марсельском мыловарении. «Если сосчитать всех рабочих в Марселе при мыловарении, то их оказалось бы около 10 тыс. человек» (с. 591—592). Так как всего в городе было 73 мыловарни, не увлекающийся выведением «средней» историк обязан был сделать вывод о наличии в Марселе крупных мыловаренных мануфактур.

³ Лучицкий, Отзыв о сочинении Ону, СПб 1910.

лил бросить яркий свет на многие темные стороны французской деревни XVIII в., на ее взаимоотношения с помещиком, на тип эксплуатации крестьянина.

Но уже в вопросе о расслоении крестьянства, о формах его, о степени внедрения капитализма в сельское хозяйство труды русских историков, при всем крупном их значении для изучения аграрных отношений, должны будут подвергнуться критическому пересмотру. В изучении французской промышленности эти «десница и шуйца» русской школы проявились еще более наглядно. Если ее представителям удалось здесь совершенно по-новому поставить вопрос о распространенности промышленности в городе и деревне, то только «народнические предрассудки» не дали им возможности, пользуясь найденными материалами, правильно осветить промышленную историю Франции.

II

Общая оценка экономического состояния Франции перед революцией была дана Лучицким, без сомнения наиболее авторитетным и оригинальным представителем русской школы. В книге, подводящей итоги его многолетним изысканиям, он подчеркивает, что Франция накануне революции еще не вышла «из-под господства натурального хозяйства, рассчитанного на удовлетворение местных потребностей». Прилива капитала нет ни в земледелии, ни в промышленности. «Страна мелкого землевладения, мелкой культуры, Франция была до революции страной мелкого предпринимательства, мелкого ремесла, а во второй половине XVIII в. — и мелкого кустарного производства... Крупных предприятий здесь не встречается»¹.

Ключ к объяснению некапиталистического характера как промышленности, так и сельского хозяйства Франции Лучицкий находит «в отсутствии вообще во Франции капиталов»². Эту оценку Лучицкого и принимают в качестве исходного пункта для своих работ и Кареев, и Тарле, и Ону. Когда последний характеризует различные экономические прослойки французской буржуазии, то

¹ Лучицкий, Состояние земледельческих классов во Франции 1912 г., с. 27—28.

² Слова Голозана в 1788 г., которые Лучицкий, чрезвычайно щепетильный в вопросах документации, не подвергает никакому критическому анализу.

³ А. Ону, Выборы 1789 г. во Франции, с. 567, 594. Ону предвещает вообще против преувеличения роли буржуазии и ее революционности. Социальное лицо Ону ярко выявляет проходящее по всей книге чрезмерное преувеличение роли интеллигенции. «Нужно... сделать существенные оговорки в республиканской историографии, строгой по отношению к дворянству, но склонной чересчур идеализировать роль буржуазии накануне крушения старого порядка» (551). Роль интелли-

в качестве основных групп выступают скупщики хлеба, окупщики, сборщики налогов, даже сеньориальные агенты³; промышленной буржуазии (совершенно последовательно для этой концепции) отводится второстепенная роль; группой, возглавляющей все движение, становится «внеклассовая и бессловная интеллигенция».

Характеристика Лучицким городской Франции, как страны мелкого ремесла, развита учеником Кареева Е. Н. Петровым, который, занявшись изучением наказов, решил, что за сохранение цехов высказались наиболее промышленные районы. «Экономически развитый север в подавляющем большинстве случаев отстаивает цеховой строй. Среди городских наказов перевес на стороне дружественных цехов (26 — за и 14 — против), в их числе: Лилль, Аррас, Валансьен, Труа¹, Руан, Нант, Реймс, Лион, Марсель, — наиболее крупные промышленные центры»².

Наибольшее же количество наказов, враждебных цехам, идет именно из районов наиболее отсталых — из средней полосы Франции, из Ниверне и Берри, из горной Оверни, в которых экономическая жизнь пульсировала очень слабо, но где зато был может быть налицо начитанный стряпчий или врач, отлично знавший, чего требуют «les vrais principes», и воспользовавшийся своими познаниями при составлении наказов.

Консервативная позиция большинства торгово-промышленной буржуазии в вопросе о цехах для Е. Петрова — «факт вовсе не парадоксальный, принимая во внимание земледельческий характер страны и ремесленный уклад ее городской промышленности. Нужно только отрешиться от той картины необыкновенной индустриализации Франции, которую Жорес нарисовал в угоду марксистской концепции»³.

Изложение Н. И. Кареевым в весьма сочувственных тонах этих двух статей в его «Беглых заметках» не сопровождалось никакими возражениями⁴.

Однако внимание русских историков обращено было не на городскую промышленность. Еще в первой работе Кареева о кре-

генции Ону считает решающей: «сознательные руководители толкали человеческое стадо, воспитанное в пассивном повиновении», миросовершенство которого в политических вопросах «похоже на бред».

¹ Петров проглядел в Труа например борьбу цехов (см. Кареев, Беглые заметки).

² «Журнал министерства народного просвещения», № 6, 1911, ст. Петрова, Вопросы промышленности и торговли, с. 302—303.

³ Петров, указанная статья, с. 304. Poleмический задор против «преувеличивающих темп развития» марксистов у Петрова тот же, что у его учителя в 90-х гг.

⁴ Более того, Кареев дал о них чрезвычайно лестный отзыв, несколько раз хвалит их в своих работах (см. «Беглые заметки», обе серии; «Историки», т. III, и т. д.).

стьянах он обратил внимание на наличие крестьян-кустарей, на уменьшение — вследствие роста промыслов — числа крестьян-земледельцев. Лучицкий в своей основной книге подчеркнул значительную распространенность промышленного труда в деревне¹.

Чрезвычайно интересен вывод Лучицкого о степени самостоятельности кустарей: «Работа на дому в пользу купцов — вот что характеризует собою большинство кустарей области. Работа за свой страх и на собственные средства — редкое явление», — вывод, расходящийся с общим его выводом о господстве мелкого кустарного производства (в обобщающей работе о «Земледельческих классах»).

Так «догма», народнические предрассудки заставляли делать вывод, обратный тому, какой подсказывался конкретным материалом, бывшим в руках историка.

Однако Лучицкий и Кареев сделали только несколько наблюдений, некоторые предварительные выводы. Именно от них отталкивался ученик Лучицкого, Е. В. Тарле, стремясь дать ответ на вопрос, каков строй французской промышленности XVIII в.²

В оценке экономического уклада Франции и ее промышленности Тарле полностью стоит на точке зрения Лучицкого: «Ремесло и домашняя индустрия в ее разнообразных стадиях — вот что дает тон, царит почти безраздельно по всему лицу страны»³. Тарле отрицает наличие во Франции сколько-нибудь значительной прослойки предпринимательской буржуазии. В общественном сознании нет «резкой грани между предпринимателями и рабочими. По культурному уровню предприниматели мало разнились от рабочих», они, хозяева, часто не умеют писать; «смешение воедино рабочих, купцов, продающих товар, земледельцев, продающих сырье мануфактуре, весьма характерно для эпохи; самая организация производства такова, что подобное смешение не только извещительно, но неизбежно»⁴.

Мелкое производство господствует во всей Франции; заведение, дававшее работу нескольким десяткам человек (тем более 100), «уже считалось крупным». В Руане, центре крупнейшей промышленной области — Нормандии, «в течение всего XVIII в. и позже все мануфактурное производство было в руках мелких мануфактуристов, мелких самостоятельных производи-

¹ Лучицкий, Крестьянское землевладение преимущественно в Лимузене, 1900, с. 96, 99.

² «То, что они (русские авторы) дали, произвело лично на меня большое впечатление, возбудило в большей степени мое любопытство, нежели например верные по существу, но афористичные по форме и лишь слегка иллюстрированные примерами утверждения Жореса о машинах, домашней промышленности и т. п.» (Тарле, т. II, с. XV).

³ Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 188 и 197.

⁴ Ibidem, с. 107.

телей, вся руанская торговля — в руках мелких торговцев»¹.

Наблюдения Кареева и Лучицкого о значении деревенской промышленности Тарле — и это основное в его работе — превращены в вывод о трансформации всего мира промышленности, перемещении ее из городов в деревню. «Колоссальная промышленная деятельность почти целиком была сосредоточена в деревнях, а не в городах¹, — вывод совершенно правильный, изысканиями всех новейших французских историков подтвержденный.

Тарле отводит городу подчиненную роль. Против цехов и регламентации самую упорную и самую победоносную борьбу вело вовсе не «крупное производство и вовсе не городские промышленники, а деревенские производители»².

«Деревня давала тон всей промышленной жизни провинции», «час пробил для цехов не 2 марта 1791 г., а 7 сентября 1762 г., когда Людовик XV легализовал деревенских фабрикантов».

Эта господствующая во Франции система домашней, кустарной промышленности неоднотипна. Тарле, различая ее формы, следует классификации Бюхера, — одной из распространеннейших форм в конце XVIII в. он считает форму самостоятельного мелкого производства, непосредственно выступающего на рынке.

Лишь «кое-где», главным образом в хлопчатобумажной промышленности, встречается снабжение кустарей сырьем. Совсем редки случаи снабжения станками. Но все четыре формы (включая работу на посредника) являются «подразделением домашней промышленности». В частности и льонскую промышленность Тарле считает организованной по типу домашней. В этом по его мнению «не может быть никаких сомнений... в центре промышленной деятельности стоят fabricants-ouvriers⁴. Тарле не отрицает наличия некоторых крупных предприятий, однако они являются только исключением⁵. Господство

¹ В книге приведено «совершенно противоположное показание инспекции об огромном полотняном производстве в Нормандии, самом значительном в королевстве: «производство это сосредоточивается около Руана, отчасти разбросано по другим городам и деревням всей Нормандии, так что на 727 руанских фабрикантов работают люди, рассеянные по громадной стране» (с. 108).

² Тарле, т. II, с. 86.

³ Ibidem, с. 115, 132.

⁴ «Рабочий класс», с. 75—77.

⁵ Единственное из больших промышленных предприятий, относительно которого совершенно определено известно, что большая масса рабочих работала в помещении мануфактуры, — мануфактура Ван-Робэ в Аббевилле». Интересно, что новейший историк французской промышленности Балло (L'introduction du machinisme dans l'industrie française) в главе о концентрации в суконной промышленности совершенно не касается этой мануфактуры, как нехарактерной для той полосы concentra-

домашней промышленности — определяющая черта промышленной жизни Франции XVIII в.; с ним совпадает и объясняет его чрезвычайно низкий уровень французской техники в хлопчатобумажной промышленности, находившейся в сравнительно благоприятном положении. Годы появления разных хлопчатобумажных машин — даты распространения технических знаний, но отнюдь не веки экономической истории Франции. На примере Пикардии автор иллюстрирует отсутствие какого-либо прогресса в прядильном деле еще с эпохи Кольбера.

Еще ниже уровень техники в других отраслях промышленности. В железоделательном производстве французы не выше, а пожалуй ниже шведов и русских. В оружейном деле Россия стояла едва ли не выше Франции, во всяком случае Сент-Этьен выделял худшее оружие, чем русские. Стали во Франции не умеют делать — это одна из наиболее тяжелых забот и при Директории. В «очень неутешительном положении» выделка игл, — в 1794 г. официально констатировано, что никакой фабрикации во Франции не существует¹.

Кстати это утверждение вызывает недоумение. Несколько раз в предшествующих главах Тарле указывает на широкое распространение в Лэгле и его окрестностях фабрикации булавок. При описании кризиса (в гл. VI) Тарле указывает на затруднительное положение «большого торгового дома Leleu, который в течение сорока лет занимался снабжением города Лэгля и окрестных городов для игольного и булавочного производства», в годы революции «еще делал... попытки провезти во Францию закупленный в Скандинавских странах груз стали, медной и латунной проволоки»².

На явную необъективность Тарле в характеристике технического уровня Франции указали в свое время — в очень осторожной, правда, форме — достаточно «беспристрастные» критики, Савин и Кареев. В своей интересной рецензии Савин писал: «Систематическая проверка выводов автора возможна только в Национальном архиве. Я поэтому лишь с большой робостью позволяю себе высказать предположение, что в картине немного сгущены краски, что технический уровень французской промышленности, очень невысокий, был все же не так низок»³.

Об этом писал даже Кареев, присоединившийся, вместе со всем главным тезисам Тарле: «Общий тезис, что во Франции ма-

ция, которая началась именно во второй половине XVIII в. «Мануфактура Ван-Робэ слишком стара, чтобы служить примером для этого движения к концентрации».

¹ Тарле, т. II, с. 176.

² «Рабочий класс», с. 451.

³ А. Савин, Новый труд по истории французских рабочих, (Русская мысль» кн. 9, 1912, с. 26).

пины не играли большой роли, а потому и не могло быть «бунтов против машин». Этот вопрос по моему мнению потребовал бы пересмотра»¹.

Общая оценка промышленного и всего хозяйственного уровня Франции Тарле дана всего ярче в докладе: «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной», в котором он приходит к заключению, что Франция отнюдь не была страной, сколько-нибудь значительно превосходящей Россию экономически. «Франция времен Людовика XVI гораздо ближе к екатерининской России, чем к Англии Аркрайта и Уатта... Механические усовершенствования, шедшие из Англии, были до самого XIX в. для Франции совершенно случайным новшеством, экзотическим явлением»². Если во Франции крупные мануфактуры были очень большой редкостью, то в России наоборот «число предприятий, действительно громадных по количеству занятых рабочих, было повидимому больше, чем во Франции». «По типу своему французская промышленность конца VIII в. отнюдь не была более развитой, чем промышленность русская».

В своей позднейшей работе «Континентальная блокада» Е. В. Тарле, оговорившись, что не может «всецело» повторить для наполеоновской Франции вывод, сделанный им в «Рабочем классе» об экономическом строе страны, характеризует и Францию первого десятилетия XIX в. как страну «кустарной промышленности», формы организации которой почти не изменились. «При Наполеоне не совершилось чуда (потому что это было бы чудом) внезапного превращения страны мелкого производства, какой Франция была в 1789—1799 гг., в страну производства крупного, сосредоточенного в больших городах». О крупнейшем промышленном районе — департаменте Соммы — Тарле отмечает, что «все производство — в руках мелких производителей, работающих и сбывающих плоды рук своих изо дня в день», в департаменте Нижней Сены, самом промышленном округе Франции «документы категорически настаивают на широком развитии домашней, деревенской кустарной промышленности»³.

Что в общем и целом этот взгляд на промышленность Франции сохранился и по сей день у историков, близких к «русской школе», видно из этюда Глаголевой-Данини о промышленности Дофине⁴. Использованный ею фактический материал представляет исключительный интерес. В важнейшей отрасли промышленности Дофине — суконной — выделился ряд промышленных центров, на

¹ «Русская книга о французских рабочих», «Русское богатство» 1911.

² Сб. «Россия и Запад», СПб 1918, с. 141.

³ Е. В. Тарле, Континентальная блокада, с. 184, 189, 192—193, 210, 534.

⁴ «Из далекого и близкого прошлого» (сб. в честь Кареева), Л. 1923.

которые работают десятки окружных деревень; кустари снабжаются сырьем и станками. Только в одном округе Баланс распределено 900 шерстопрядильных станков. В другом округе Вьенн существует крупная суконная мануфактура, в помещении которой перед революцией занято 517 человек, а на мануфактуру работает около 1500 человек. Техника мануфактуры далеко не на низком уровне: «перед революцией она имела 13 шерстопрядильных jenny, выделяла тончайшие сукна, пользуясь прекрасной шерстью, по качеству приближавшейся к испанской; во время революции она на 1/3 увеличила производство и заменила ручной способ производства «машинным».

В знаменитом перчаточном производстве Гренобля даже статистический ежегодник 1787 г. насчитывает только 64 хозяина и 6254 «занятых промыслом». Но, анализируя материал, автор приходит к заключению, что «мануфактуры возникли под влиянием «идей меркантилизма», что типичная для Дофине «мануфактура» была сельской индустрией, представлявшей в сущности систему домашней промышленности, в которой товар пробегал путь от производителя до потребителя через посредника — торговца на месте и оптового торговца».

Как видим, накопление исторического материала не поколебало основного тезиса «русской школы», сформулированного еще Лучицким, — о некапиталистическом характере французской промышленности перед революцией.

III

Известен спор между Лучицким и Ковалевским о характере экономических отношений в предреволюционном земледелии. К тезису «русской школы» о характере промышленности Ковалевский тем не менее присоединился, хотя далеко не сразу. Позиция его тем более интересна, что доказывает, как решение сложнейших исторических контроверз, предлагаемое тем или иным историком, глубоко обусловлено системой его классовых взглядов.

В первом издании книги «Происхождение современной демократии»¹ (вышедшем в 90-х гг.) глава, посвященная промышленному развитию, очень невелика (менее 40 страниц) и посвящена специально вопросу о цехах. Ковалевский считал, что в то время промышленность была сосредоточена в городах и что именно из цеховой системы складывалась новая система производственных отношений. «Промышленность, как общее правило (разрядка

¹ Ковалевский И., Происхождение современной демократии, т. I, М. 1890. В последующие издания книги Ковалевский включает новые материалы и новую оценку их, не пересматривая и не устраняя противоречивые положения первого издания.

наша — В. Д.) не выходила за пределы городской оседлости благодаря сосредоточению ее исключительно в руках цехов»¹.

Как феодальная система представляла собой пережиток и пришла в упадок, так и цеховая система совершенно лишилась жизнеспособности; отсюда неизбежное наступление... «эры экономической свободы»².

Ковалевский вынужден был пересмотреть ряд своих положений. Оказался неверным его вывод о сосредоточении промышленности в городах, все последующие исследования заставляли Ковалевского (особенно в последней работе о кустарях) подчеркнуть распространенность деревенской индустрии³.

Если по основному вопросу о развитии капитализма во французской промышленности в первой своей работе Ковалевский склонялся как будто бы к положительному ответу, то в последнем издании «Демократии» к соответствующей главе был прибавлен заголовок «Можно ли назвать эту промышленность капиталистической» и ответ дан резко отрицательный.

Однако это присоединение Ковалевского к основному тезису «русской школы» сложилось, как нам кажется, не под влиянием новых материалов. Манера исторического исследования Ковалевского, «широкое письмо», известная неточность, нагромождение и напластование различных материалов связаны с тем, что Ковалевский никогда не считал себя историком по специальности, а «социологом». Большинство работ содержит в себе защиту определенных социально-политических взглядов, которые он доказывает — тут приходила ему на помощь огромная работоспособность и эрудиция — бесчисленным количеством всевозможных аргументов. «Происхождение современной демократии» защищало идею определенного политического устройства — «народной (правильнее конституционной) монархии» — и определенные постулаты экономической политики. Одним из основных было требование отказа от протекционизма, от искусственного взращивания за счет земледелия промышленности⁴. Не может быть никаких сомнений в том,

¹ Ibidem, с. 204 А. Шульгин совершенно справедливо возражал, что «цехи не были доминирующей системой производства».

² Именно в этот период работы влияние Маркса на Ковалевского было еще очень велико. Ковалевский причислял себя к числу сторонников если не исторического материализма, то широкого, хотя и не исключительного пользования экономическим объяснением истории».

³ Для известной небрежности, поспешности манеры Ковалевского характерно, что приведенное нами место о сосредоточении промышленности «как общее правило» в городах сохранилось во всех последующих изданиях (во 2-м изд. 1901 г. на с. 357, в изд. 3-м на с. 373).

⁴ Уже в первом издании книги Ковалевский оспаривал кольбертизм именно из соображений русской политики: «протекционизм торжествовал во Франции, вызывая к жизни явления, довольно близкие к тем, с которыми познакомила нас история американской и русской политики... Упадок

что эти основные идеи Ковалевский защищал как представитель определенной русской общественной группировки либеральных землевладельцев¹, что эти взгляды продиктованы именно русской конкретной обстановкой (сколько бы ни утверждалось, что Ковалевский был чужд русским делам).

В своих лекциях, читанных в Париже об «экономическом строе России», Ковалевский очень резко критиковал финансово-экономическую политику царизма 90-х гг. Ковалевский констатирует «сильный упадок» сельского хозяйства и настаивает на том, что помимо американской конкуренции он вызван ошибками нашей экономической политики. Большая часть ошибок правительства вытекает из желания искусственным образом поддержать нашу промышленность в ущерб сельскому хозяйству. Ковалевский предсказывает в годы наибольшего промышленного грядущества 90-х гг. неизбежность кризиса вследствие «искусственного» взращивания целого ряда отраслей промышленности². Он требует отказа от протекционизма, сосредоточения внимания «на истинном источнике богатства» — земледелии. В привлечении капиталов в сельское хозяйство, перераспределении налогового обложения между буржуазией и «земледельческими классами», отказе от покровительства промышленности Ковалевский — типичный либеральный землевладелец, убежденный фритредер — видит единственный выход из положения.

При таких классовых воззрениях Ковалевскому-историку пришлось столкнуться с фактом промышленного кризиса во Франции перед революцией, всеми современниками и историками объясняемого влиянием англо-французского фритредерского торгового договора 1786 г. Только взгляды Ковалевского-политика объясняют схему, сконструированную Ковалевским-историком: договоры он считает совершенно правильными, а кризис 1787—1788 гг. — лишь последним выражением того глубокого упадка, в котором находилась промышленность Франции во второй половине XVIII в., в котором неповинна политика свободной торговли³. Здесь невозможно

земледелия, вызванный не одними войнами, но сосредоточением большого числа рабочих рук на фабриках, позволяет сомневаться в том, чтобы народное производство много выиграло от торжества кольбертизма» («Происхождение современной демократии», изд. 2-е, с. 404).

¹ В крайнем либерализме Ковалевского никто не мог бы упрекнуть. В Париже в «Русской школе общественных наук» ему была устроена обструкция в связи с заявлением о несвоевременности введения в России республиканского строя (сб. «М. М. Ковалевский», с. 34). Когда К. изгнан был в 1886 г. из университета, он заявил, что не вернется, пока не будет введен конституционный строй. На вопрос: «что вы считаете его основным пунктом», ответ гласил: «право контроля и распоряжения бюджетом».

² Ковалевский, Экономический строй России, с. 70.

³ «Нельзя делать торговый договор 1786 г. ответственным за факты, возникшие гораздо раньше его» (с. 574, изд. 3-е); «вред, причиненный стране торговым договором 1786 г., обусловлен был не ошибочностью самой системы

доказывать сколько-нибудь подробно необоснованность этого вывода. Укажем лишь, что опровергнуть его можно на основании материалов, самим же историком приведенных. Ковалевский указывает например на упадок суконной промышленности в Нормандии и Пикардии, но сам же в другом месте его объясняет. Место суконной промышленности в этих округах занимает хлопчатобумажная промышленность (тот же процесс вытеснения старых отраслей текстильной промышленности новыми происходил одновременно и в Англии)¹.

Упадок полотняной промышленности Ковалевский доказывает цифрами по Бретани, очевидно случайными (лишь за 1766—1769 гг.), но одновременно признает «чудовищный» рост полотняного производства в Нормандии², быстрый рост новой отрасли — производной крапешной полотна (т. е. ситцев) и тканей, расцвет кружевной промышленности (вокруг Валансьена). Для упадка кожевенной промышленности Ковалевский сравнивает цифры 1759 и опять-таки 1788 гг., но совершенно обходит указания о росте шпательной кожевенной промышленности в Париже во второй половине XVIII в. Обходит молчанием Ковалевский и доказанный Жоресом рост сахарной промышленности (главным образом в Марселе, Нанте, Бордо), значительное развитие кораблестроения³, строительного дела и т. д.

Общий вывод Ковалевского, «что договору 1786 г. часто пришлось иметь дело не с живым, а с уже наполовину разрушившимся организмом», остается совершенно незащищенным, никем из историков не разделяется. Сэ справедливо отмечает: «К концу старого порядка в промышленности обозначился очень ощутительный прогресс; поэтому противно истине утверждать, как это делает М. Ковалевский, что промышленность по-

свободного обмена, а посторонними причинами, корень которых лежал во всем экономическом и финансовом строе Франции старого порядка» (с. 581).

«Эра свободы открылась в момент уже начавшегося упадка французской промышленности».

¹ Упадок суконной промышленности на севере (Амьен, Аббевиль, Рубэ) Балло объясняет вытеснением ее (иногда полностью, как в Рубэ) хлопчатобумажной промышленностью (Ballot, p. 216). «В Лангедоке наблюдается такой громадный рост хлопчатобумажной промышленности, что интендант советует запретить прядение хлопка в интересах шерстяной промышленности» (Тарле, т. II, с. 84).

² «Об общих размерах, какие приняла в десятилетие, предшествующее революции, полотняная промышленность Руана, можно судить по тому, что в 1782 г. число лиц, находящих занятие в этом промысле, достигало чудовищной цифры 188 217» (с. 451). Речь идет о полотне, производимом из хлопка вместо прежнего льна.

³ Жорес, т. I, О росте кожевенной промышленности в с.-марсельском предприятии, по оценке современников занимавшей чуть ли не до 30 тыс. человек (?) (см. Jaffé, Le mouvement ouvrier pendant la révolution).

пала в состоянии глубокого упадка в течение всей последней трети XVIII в.»¹.

Но, выдвинув положение об упадке промышленности XVIII в., Ковалевский закрывал перед собой возможность обнаружить элементы капитализма во Франции. Росту деревенской промышленности он дал объяснение, исходящее опять-таки из русского опыта. Неправильное регулирование народного хозяйства, искусственное развитие промышленности, правительственная фискальная политика, видящая во всем источник для обложения, — вызывают обнищание крестьянства, рост кустарных промыслов. «Во Франции второй половины XVIII в. повторилось то явление, которое для России отмечено Туган-Барановским».

«Хотя мануфактурная промышленность и привилась в России под влиянием запретительной и покровительственной системы (разрядка наша — В. Д.), но это не помешало тому, что кустарное производство, вызванное крестьянской нуждой, стало успешно конкурировать с фабричным. Кустарное производство мешает успеху крупных заводов»².

Ковалевский начал с того, что констатировал ростки капитализма в земледелии и городах Франции. Классовые взгляды историка, борьба с покровительством промышленности, как идущим в ущерб сельскому хозяйству, апология режима свободной торговли, выгодного землевладельцам, заставили его высказаться за целесообразность договора 1786 г. и выдвинуть для объяснения кризиса новую схему промышленного упадка Франции XVIII в.

Ковалевский должен был принять, исходя из этой схемы, и тезис о «торжестве» кустаря³. В полотняном производстве еще в большей степени, чем в суконном, может быть констатирован решительный перевес кустаря над фабрикантом⁴. «Действующие за свой страх или по заказу купцов кустари оказывают конкуренцию сколько-нибудь широким предприятиям».

Ковалевский, никогда не бывший сторонником утопических воззрений русских народников на характер кустарных промыслов,

¹ H. S é e, Evolution commerciale et industrielle de la France sous l'ancien régime, 1925, p. 299.

² М. Ковалевский, Происхождение мелкой крестьянской собственности, с. 103. Что Туган-Барановский неправильно расценил форму взаимоотношений кустарных промыслов и капиталистической мануфактуры, показал очень хорошо Рожков («Историк-марксист» № 5). Прохоровская мануфактура все время использует труд кустарей, которые выполняют детальные функции. Не кустари вытесняют Прохоровку, а Прохоровка подчиняет себе кустарей. Давно пора пересмотреть схему Тугана и изучить мануфактурную стадию русского капитализма.

³ Отчетливо он сформулирован только в статье в «Вестнике Европы» (1911 № 10); вошла в книгу «Происхождение мелкой крестьянской собственности».

⁴ «Происхождение современной демократии», изд. 3-е, с. 45.

очень часто правда подчеркивает, впадая в противоречие с самим собой, что самостоятельность кустаря является только видимой.

«Хлопчатобумажная промышленность в с е й Н о р м а н д и и носит характер не столько кустарного производства, сколько домашней формы крупной промышленности» (с. 558), т. е. повторяется характеристика, данная русским кустарным промыслам второй половины XIX в.¹ Та же характеристика Ковалевским распространяется на шелковую промышленность Лиона, на суконную и хлопчатобумажную промышленность Пикардии, Фландрии, Лангедока, на кружевное производство, на бумажное производство в Дофине, на ножевой промысел в Тьерре².

И тем не менее общий вывод Ковалевского, неизбежно вытекающий из его концепции промышленного развития Франции, совпадает со взглядами Лучицкого и Тарле, — «трудно не вывести того заключения, что промышленная история Франции старого порядка отнюдь не отвечает понятию капиталистического производства»³. Ковалевский-политик обусловил изменение взглядов Ковалевского-историка.

IV

К совершенно противоположным выводам пришли почти все новейшие исследователи во Франции. Историки совершенно различных школ и политических симпатий — от Hauser'a до Матьеа — сходятся на том, что «соперничество негоциантов с ремесленниками... является решающей чертой экономической и социальной истории Франции XVIII в.», что уже в начале века брешь в цеховом строе, к концу столетия окончательно разрушенном, пробита «арматурами, негоциантами, фабрикантами, — всеми капиталистами, работающими на отдаленный рынок, которых душила регламентация». Не говоря уже о Hauser'e, считаемом, что в XVIII в. «le capital est roi», капитальный труд Ш. Балло о введении машинизма, целый ряд этюдов и сводных работ Н. Сée, монографии об отдельных отраслях промышленности или районах Франции

¹ «Если некоторые русские экономисты, как Вроццов и Яроцкий, насчитывают еще 7 или 8 млн. лиц, занимающихся каким-нибудь мелким производством, служащим подспорьем к их земледельческому промыслу, то не следует забывать, что большая часть этих кустарей работает только по заказам куццов или крупных предпринимателей» («Экономический строй России», с. 160—161).

² «Происхождение современной демократии», с. 558. Ковалевский делает даже такого рода обобщения: «Есть основание утверждать, что сельская промышленность приняла во Франции уже в последней четверти XVIII в. форму не кустарного производства, а домашнего вида крупной промышленности».

³ М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, изд. 3е, с. 457.

(работа М. Руффа об угольной промышленности, Леви о текстильной промышленности Эльзаса, работы Сиона и Лефевра о Нормандии и Севере и т. д.), очерки Ш. Шмидта, публикации документов и наказов исходят из признания неоспоримости успехов капитализма в промышленности предреволюционной Франции. И прежде всего встает вопрос о том, как могло случиться, что, оперируя примерно одним историческим материалом, авторы пришли к далеко расходящимся оценкам.

Ответ может быть только таков: понимание огромной противоречивости форм хозяйственной жизни Франции, где наряду с полусредневековыми промыслами и в борьбе с ними выступали различные формы капиталистической мануфактуры, зависит в первую очередь от метода, применяемого историком. Нанизав группу фактов (и даже снабдив ее относительно тщательной, хоть и односторонней, документацией), можно отодвинуть Францию XVIII в. ниже екатерининской России; однако есть совершенно достаточное количество документов для защиты противоположного взгляда. Задача историка, охватывающего всю экономическую эволюцию страны, иная: он должен обнаружить ту хозяйственную форму, в которой на данном историческом отрезке времени происходит повышение производительности общественного труда, проследить, как эта форма сперва сосуществует с другими, а потом их вытесняет.

Этот метод изучения истории промышленности был указан только Марксом. «Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда, обусловленные капитализмом: 1) простую кооперацию, 2) разделение труда и мануфактуру, 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные типические черты развития капитализма, видно между прочим из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по «иллюстрациям и двум первым из названных стадий»¹.

Капитализм в мануфактурной стадии, как известно, развивался в Западной Европе по мнению Маркса с XVI по последнюю треть XVIII вв.

Марксов метод вообще и в частности его указание на то, что основным признаком периода является «мануфактурное разделение труда», остались непонятыми, вульгаризованными и извращенными почти всеми буржуазными историками западноевропейской промышленности. Марксу приписали мысль о том, что он считал крупную объединенную мануфактуру господствующей хозяйственной формой, и на этом основании либо легко

¹ Ленин, т. XII (ст. «К. Маркс»).

опровергали его, либо упрекали в противоречиях. Зомбарт с торжеством доказывал ошибку Маркса в вопросе о роли мануфактуры. Озе (Hauser), неоднократно цитирующий XII главу по вопросу о роли разделения труда, упрекает вместе с тем Маркса в преувеличениях. Шульгин, защищая свой по существу правильный тезис о характере французской промышленности, подчеркивает свое несогласие с Марксом¹ и оспаривает существование мануфактурной стадии.

«Странно было бы ожидать возможности развития в XVIII в. крупных предприятий. И если исследователи их все же упорно ищут, то это по всей вероятности объясняется тем несколько неправильным взглядом, который высказал в свое время Маркс по поводу мануфактур. Последнюю все еще рассматривают как весьма прогрессивную и значительную форму производства, знаменующую переход от ремесленного строя к капиталистическому.

Между тем Зомбарт не только отвергает факт существования так называемого «мануфактурного периода», но отвергает и тот факт, что мануфактура логически есть необходимо предшествующая фабрике форма производства, стоящая выше ремесла и ниже фабрики. Он положительно и совершенно справедливо утверждает, что «для многих производств переход от мелкого заведения к фабрике совершается без всякой промежуточной формы».

Критики Маркса не считали для себя нужным обратить внимание на исчерпывающее заявление, что для Европы характерна именно «*manufacture dispersée*», что мануфактура совершенно бессильна устранить мелкое производство, «что она всегда покоится на широко развитом городском ремесле и домашне-подсобной промышленности сельского населения»; что господство мелкого производства, уже теряющего свою самостоятельность, именно и характерно для мануфактурного периода. Марксу принадлежит заслуга указания на роль сельской промышленности как широкой основы капиталистической мануфактуры. «Если мануфактура уничтожает городское ремесло и сельское в одной форме в определенных пунктах, то она снова создает их в других формах и других местах, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала». «Она создает... новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготавливающий продукты, продаваемые непосредственно или при посредстве купца, на мануфактуру»².

¹ Шульгин, указанная статья, «Русское богатство», с. 159. Вводя сам разграничение между предприятием и «заведением», он не понимает подлинной структуры мануфактурного промысла.

² Маркс, Капитал, с. 709.

Совершенно неверное представление, будто основным признаком мануфактурного периода является сосредоточение рабочих «под одной крышей». Главный признак — это развитие разделения труда. В предшествующие стадии и ремесленник и кустарь самостоятельно производят товар. В мануфактурный период повышение производительности достигается тем, что «здесь частичный рабочий не производит вообще самостоятельного товара». «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих», причем Маркс никогда не считал, что все эти рабочие заняты в одном помещении, а всегда — и даже в классическом примере с часовой мануфактурой — отмечал, что значительнейшая часть работы производится на дому. Новое в том и заключается, что этот домашний рабочий является уже «детальным рабочим», что он выполняет только определенную функцию, что он находится «под командой капитала», предпринимателя, организующего производство. Ленин, блестяще применивший метод Маркса к изучению русской промышленности и доказавший его неизмеримое превосходство над «методом» В. В., так определял признаки мануфактуры: «По научной классификации форм промышленности, в их последовательном развитии, работа на скупщика принадлежит большей частью к капиталистической мануфактуре, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений, 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской, 3) ставит в главе производства торговца, как это и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта, 4) низводит трудящихся к положению наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому»¹.

Маркс говорит о мануфактурной стадии развития капитализма. Отрицая капиталистический характер французской промышленности, нельзя ссылаться на незначительное количество крупных предприятий, потому что именно этот признак Маркс считает характерной особенностью мануфактурной стадии капитализма. «Типичным для капиталистической мануфактуры является именно небольшое число сравнительно крупных предприятий наряду с значительным числом мелких. В громадном большинстве случаев данные о размерах производства крупных заведений не дают еще никакого представления об их действительном значении», потому что на крохотную белильную или отделочную мастерскую может работать целая округа.

Ленин совершенно справедливо предостерегал против бюхе-

¹ Ленин, т. II, с. 268.

рианской схемы экономической истории, отвергающей мануфактурную стадию и заменяющей ее стадией домашней промышленности, — работы на скупщика. Между кустарем, продающим свои изделия коробейнику, и кустарем, сучащим шелковые коконы по заказу Дидье или разматывающим шерсть для Декрето, прядущим хлопок для ситценабивен Оберкампфа, Османа, Дольфюса, расстояние огромное: в первом случае — это самостоятельный производитель, во втором — «палец от ноги», частица какого-то крупного промышленного механизма.

Методологическая слабость «русской школы» заставила ее ограничиться констатированием факта распространенности мелкого производства, деревенской промышленности. Между тем задача состоит в том, чтобы вскрыть формы связи между бесчисленными мелкими мастерскими, выяснить, насколько глубоко проникло мануфактурное разделение труда, в какой мере сохранилась самостоятельность мелкого производителя.

Для характеристики промышленного строя Франции попытаемся подойти к вопросу о распространенности мануфактурного разделения труда.

Припомним, что для стадии простой кооперации типичным признаком является отсутствие разделения труда внутри мастерской, из мастерской выходит уже готовый товар.

Совершенно иной строй во французской шерстяной и суконной промышленности¹. «Города, называемые фабриками, чаще всего не являются объединением мастерских, а центрами, которые руководят трудом рабочих, разбросанных в очень большой округе. Торговец покупает шерсть, моет ее, очищает от жира, окрашивает, пользуясь трудом своих рабочих. Затем передает шерсть прядильщицам, чаще же мелкому предпринимателю, самому труженику, который раздает работу в своей деревне. После того как возвращают пряжу, этот «купец» дает навивать нити для основы, затем передает основу вместе с утком следующему «предпринимателю» для тканья, чаще всего самому ткачу.

Сотканная вещь еще не закончена; ей нужно дать отделку; это будет делом городских рабочих... Разбросанные рабочие не имеют средств для покупки «основы» и необходимой организации для сбыта. Отсюда вторжение капиталистов и посредников, так называемых *marchands-fabricants* (купцов-фабрикантов), подлинных

¹ Отметим, что по подсчетам Толозана из сумм дохода промышленности в 504,9 млн. ливров на полотняные и бумажные материи приходится 161,2 млн., на шерстяные — 92,5 и на шелковые — 41,6. Справедливо оспаривая точность цифр, Тарле считает, что соотношение между отраслями установлено правильно. Если бы оказалось, что в большей или меньшей мере мануфактура господствовала уже перед революцией в этих отраслях, то уже в силу только этого самая характеристика промышленности должна быть подвергнута пересмотру.

хозяев..., которые управляют благодаря своим капиталам всем производством»¹.

В шерстяной промышленности, особенно в сукноделии, эта эволюция в сторону мануфактуры ускоряется необходимостью пользования импортной, дорого стоящей шерстью. Купец, скупающий прибывшую из Испании или Фландрии шерсть, постепенно превращается в купца-предпринимателя, сосредоточивающего в своих руках покупку шерсти, первичную и окончательную ее отделку и сбыт (часто на внешние рынки) готового продукта.

Снабжение кустарей шерстью в Пикардии отметил еще в 1698 г. интендант М. Биньон. В своем докладе он подчеркнул поразившее его явление в производстве саржи в Кревекуре неподалеку от Амьена: «Рабочие этой фабрики бедны, очень часто купцы авансируют им шерсть, и они обязаны продавать им материи неотделанными (*écrués*), что не встречается в других местах; купцы Амьена, Бовэ, Орлеана, которые скупают, заняты валянием сукон и их отделкой»².

В середине XVIII в. почти законченный строй мануфактуры отмечается в сукноделии Руанского района. Руанские «негоцианты», для которых в округе Омаль в деревнях производятся сукна, саржа, пересылают их для окраски и отделки «за свой счет» в Больбек, где есть специальная хорошо оборудованная мастерская бр. Лемарей с 60 рабочими. Инспектор мануфактур в 1752 г. сообщает, что крупный руанский негоциант М. Пер, которого обслуживает Лемарей, собирается сам открыть мастерскую в Руане, которая приведет в упадок *imprimerie* в Больбеке³.

В основных районах сукноделия, особенно в производстве тонких сукон, предназначенных к экспорту, требующих тщательной отделки, непосильной мелкому кустарю, строй капиталистической мануфактуры во второй половине XVIII в. является господствующим. Балло совершенно правильно отмечает, что к концу XVIII в. эволюция почти была завершена в крупнейших центрах этой отрасли — Седане, Реймсе, Эльбефе, Лувье, Лизье и т. д. Ездивший по поручению Шапталя в Седан (в 1803 г.) Морг сообщает, что перед революцией производство сосредоточивалось в руках 24—30 фабрикантов. « $\frac{2}{3}$ всей продукции находятся в руках 4 предпринимателей-миллионеров». На крупнейших владельцев работают тысячи рабочих; на торговый дом Пупара работает 4 тыс. человек, Терно — около 3 тыс., Ленъон — около 1200 человек. Фабриканты выписы-

¹ Ch. Ballot, *L'introduction du machinisme dans l'industrie française*, p. 166—167.

² «Mémoires et documents pour servir à l'histoire de commerce et de l'industrie en France, publiés p. J. Hayem», t. I, p. 161.

³ Ibidem, t. X, II. Sée, Documents sur l'industrie rouennaise vers le milieu du XVIII s.

вают шерсть из Испании, очищают и расчесывают ее в своих мастерских, затем передают на вес прядильницам в деревни, причем мужья их зачастую являются ткачами¹.

В Реймсе, где большая часть производства экспортируется только в Испанию (экспорт составляет 7—8 млн.), все производство управляется несколькими крупными «купцами», как Рожье и особенно Сутэн, которые расходуют ежегодно около 60 тыс. ливров на окраску простой шерстяной материи. В Лувье производство сконцентрировалось в руках 15 предпринимателей; крупнейший из них Декрето издержал с 1779 по 1781 г. около 200 тыс. ливров на постройку мануфактуры. Посетивший ее Артур Юнг отзывается о ней с энтузиазмом и объявляет ее первой в мире².

Очень любопытно для характеристики роли крупной промышленной буржуазии в революции, что у Декрето собирались виднейшие политические лидеры. Именно здесь Луи-Филипп, как он рассказал Виктору Гюго, познакомился с Петрионом и Робеспьером³.

Даже во второстепенных по промышленному развитию провинциях, например в Бретани, документы, опубликованные Сэ, доказывают⁴, что если эволюция в сторону господства мануфактуры еще далеко не завершена, то начальные ранние стадии в этом направлении пройдены. В Châteaubriand по донесениям инспекторов от 1775 г. 10—12 главных «фабрикантов» (обороты их правда очень невелики) покупают сами у крестьян шерсть, очищают ее, раздают ее по деревням и сами отделывают. В Витрэ идет борьба между цеховой корпорацией и негоциантами-красильщиками, добивающимися права снабжения рабочих сырьем, против чего цех наивно возражает, что в этом случае «производство будет происходить для него (негоцианта) и от его имени; он сам станет фабрикантом».

Ход развития в суконной промышленности совершенно ясен: и купец, ограничивавшийся раньше скупкой шерсти и продажей сукон, стремится овладеть производством, и богатейший предприниматель, ограничивавшийся раньше только последними стадиями

¹ Документ этот был опубликован Ш. Шмидтом в «Rev. d'histoire des doctrines éconóm», за 1912 г.

² Ballot, с. 169 и 219. Тарле укоризненно противопоставил отзыв Палласа об Арзамасе отзывам Юнга. Почему-то об этой характеристике он и не упомянул. М. М. Ковалевский считал, что в Реймсе мы имеем дело не с крупным, а с мелким производством, центром которого является в такой же мере сам город, как и окрестные села, ссылаясь в доказательство на то, что в 1732 г. число станков (2572) едва на 1/6 превышает число фабрикантов (2080).

³ V. Hugo, Choses vues. P. Nelson, p. 391.

⁴ «Mémoires et documents», t. X., H. S é e, Études sur l'industrie en Bretagne (с. 87, 94).

производства, стремится сосредоточить в своих руках весь процесс производства¹.

Тот же строй капиталистической мануфактуры все шире распространяется в чулочно-вязальном производстве (bonnetterie). Половина всей его продукции сбывается на внешнем рынке (в Испании, России и т. п.). В силу условий сбыта эта отрасль промышленности скорее чем другие перешла в руки нескольких крупных «купцов-фабрикантов», которые держат в тесной зависимости от себя мастеров и рабочих. Промышленность эта также широко распространена в деревнях. Частым явлением бывает снабжение кустарей станками; чулочновязальные станки распространены в деревнях Нормандии, Пикардии, Труа; это объясняется их высокой стоимостью².

Снабжение станками вызвало решительное сопротивление ремесленников, мелких «фабрикантов». Преодолевая его, крупные торговцы одалживают станки рабочим, которые работают на их счет, хотя носят имя «мастеров», и расширяют работу в деревнях. Характерен текст одной из жалоб 1753 г., т. е. еще до пресловутой победы деревни над городом: «8 или 9 богатых протестантов являются полными хозяевами («maîtres absolus»); остальные мелкие фабриканты зависят от крупных, так как те заставляют их работать и покупают их товары»³. Оторванные от средств производства, кустаря эти являются уже «в сущности наемными рабочими, хотя отношения никогда не достигают в мануфактуре той законченности и чистоты, которые свойственны фабрике» (Ленин).

Доклад инспектора Трибера, относящийся к 1787 г., сообщает очень интересные сведения о bonnetterie Орлеанэ. В 50 приходах Бос 45 купцов дают работу «не меньше» чем 15 тыс. окрестных крестьян. Среди вязальщиков очень много девочек 7—8 лет. «Во многих деревнях живут посредники (des facteurs) и распределяют шерсть: различные рабочие обязаны возратить по весу столько же вязанной шерсти (fасonée), сколько они получили мытой шерсти. В Орлеане существуют две мануфактуры, производящие фески (bonnets jacques), рассчитанные на сбыт в Тунисе. Для произ-

¹ И для начала XIX в. Тарле дает совершенно противоположную оценку: «В шерстяной промышленности конечно были и крупные фабриканты, но они были и здесь редким исключением» («Континентальная блокада», т. I, с. 546).

² Ковалевский указывал, что в Мондидье (Пикардия) фабриканты занимали производством чулок многих жителей соседних сел, то «сдавая им в наем станки за 10 су в неделю, то покупая уже готовый товар» («Происхождение современной демократии», с. 548).

³ «Mémoires et documents», t. II, «Mémoire du Tribert sur l'état des manufactures dans la généralité d'Orléans», p. 263—268. Тарле упоминает лишь «о случаях» снабжения станками аббевильскими и седанскими суконными мануфактурами, — в чулочно-вязальном производстве, как видим, снабжение кустарей и сырьем, и орудиями производства достаточно частое явление.

водства употребляются только самые тонкие сорта испанской шерсти. Мануфактуристы распределяют шерсть для вязанья в приходках, наименее отдаленных от Орлеана. Отделка и окраска производятся в зданиях мануфактур, которые занимают в общем (от шерстомойки до отделки) около 1600 человек. Характерно, что в Тунисе эти изделия продаются по той же цене, что и изделия местного производства, несмотря на расходы по доставке; «не следует ли сделать из этого заключение, — замечает Трибер, — что заработная плата в Тунисе выше, чем в деревнях Бос».

Так же как в шерстяной промышленности, преобладание строя капиталистической мануфактуры характеризует промышленную организацию хлопчатобумажной промышленности. Отрасль эта (особенно ситценабивная промышленность) выросла во Францию в основном именно во второй половине XVIII в. Развитие ее шло быстро, она вытесняла шерстяную промышленность, притягивала к себе рабочие руки от земледелия, видоизменяла лицо целых провинций. Темп ее технического развития, определяемый английской конкуренцией, обгонял все остальные отрасли. Тарле совершенно правильно отмечал, что основной район хлопчатобумажного производства — Нормандия, Руанский округ — был одним из важнейших промышленных районов дореволюционной Франции, причем именно в деревнях промышленность, главным образом, и была сосредоточена. Перед революцией в хлопчатобумажном производстве на расстоянии 15 лье в округности от Руана занято 188 217 человек...¹ Однако не деревня и не кустарь определяли экономическое развитие Нормандии. Сион — автор прекрасного исследования о крестьянах восточной Нормандии — показал, что дирижерская палочка находится в руках «кушцов-фабрикантов».

Уже в 1744 г. полотняные «фабриканты» в Саух жалуются, что руанские кушцы скупают весь хлопок. Большинство кустарей и ремесленников не имеет возможности закупать хлопок — «они существуют только благодаря кредиту кушца, который в обмен отбирает у них пряжу. Большинство вынуждено каждую неделю занимать у фабрикантов сырье». Десятки тысяч кустарей находятся в полном подчинении у крупных торговых домов².

¹ J. Si on, Les paysans de la Normandie orientale, 1909, p. 184.

² Ibidem, p. 181—183. Металжер например в Hautot-Saint-Suplice занимает в окрестностях 2 500 рабочих. снабжение сырьем в форме аванса, кредита или прямой раздачи является, судя по всем приведенным Сионом документам, едва ли не общим явлением для Нормандии. Совершенно очевидно недостаточность для определения строя промышленности подчеркивания факта «широкого развития (в начале XIX в.) именно в северном районе домашней промышленности, в частности деревенской» (Тарле, *Континентальная блокада*, т. I, с. 210). Руанские, эльзасские, дарнетальские красильни были не изолированными предприятиями, а центрами мануфактуры, на которые нормандские кустари и работали (ibidem, с. 211).

Документ 1728 г., который излагает Сион, указывает, что деятельность руанских фабрикантов состоит в раздаче работы деревенским кустарям, авансировании их сырьем, собирании пряжи и материй, которые они иногда у себя красят. «Города, в которых негоцианты жили, играли в хозяйстве округа роль руководящих центров, — это они давали импульс и руководство промышленной деятельности деревень».

Русские примеры Шуи, Иваново-Вознесенска напоминают историю такого текстильного центра, как Тарар. В начале XVIII в. крестьяне в качестве дополнительного промысла занимались изготовлением полотна. В 1756 г. негоциант Симон вводит здесь производство муслинов, — хлопок вытесняет коношлю. Постепенно весь округ обращается к работе над хлопком, и промышленный труд становится основным для населения. Появляется несколько крупных домов, наматывание утка производится в мастерских предпринимателя и в них же производится окончательная выделка. Открывается крупная прядильня (в 1771 г.) в Лепеше. Интересна «генеалогия» владельцев — в течение 30 лет они занимались торговлей шелком, затем объединяются с торговым домом Пурталес, эльзасским ситценабивщиком, совместный капитал их составляет 4 млн. ливров. В мануфактуре применяются кардные и прядильные машины. Тем не менее в самом помещении работает только 170 человек, вокруг же в 10 деревнях на мануфактуру работают 1884 прядильщика (а по данным владельцев — 4500), причем посредниками-раздатчиками являются приходские священники¹. Это только один из примеров капиталистической мануфактуры в хлопчатобумажном производстве, один из симптомов процесса, который не уловлен всей «русской школой».

Полное господство мануфактуры должно быть отмечено в ситценабивной промышленности. Речь идет не об изолированном предприятии Оберкампа, как представляет это Е. В. Тарле, а о целой отрасли промышленности, быстро развивавшейся во Франции после указа 1759 г. (Амьен, Париж, Бурж, Руан, Нант, Орлеан, особенно Эльзас). Значительный сбыт на внутреннем рынке и за границей (у некоторых эльзасских мануфактур $\frac{5}{6}$ и $\frac{9}{10}$ продукции экспортируется), трудности закупки сырья и полуфабрикатов, самое главное — необходимость значительных капиталов для постройки и оборудования ситценабивной мануфактуры объясняют, почему не исключением, а общим правилом было здесь господство крупных предпринимателей, на которых работает по 800, 1200, 1800, 2300 рабочих. Мюнстерская мануфактура Пурталеса-Ригэ, в которой 700—800 человек ра-

¹ Reu ba ud, Le coton, P. 1863 (гл. о Тараре). Балло, с. 153; о прядильне в S.-Vérand см. ст. Шмидта «Revue d'histoire économique», 1913—1914 гг.; о Пурталесе — с. 206. В 60-х гг. XIX в. в Тараре 12 тыс. населения, но он дает занятые 50 т. рабоч. на 20 лье в округности (с. 126).

ботаю в мастерских, — еще одна иллюстрация обоснованности оценки Тарле мануфактуры Ван-Робэ как «единственной», занимающей несколько сот рабочих «под одной крышей»¹.

Организация труда здесь очень сложна. Все крупные предприниматели к набивке ситцев (тонких — *indiennes*), производимых в самой мануфактуре, присоединяют прядение и ткачество, выполняемые в деревнях².

Закупленный мануфактуристом хлопок распределяется при помощи ряда комиссионеров-«раздатчиков» по деревням для прядения. «Раздатчик» следит за правильностью работы, ведет учет и пересылает готовую пряжу мануфактуристу. Затем перед передачей хлопчатобумажной пряжи ткачам «подготовительная работа производится в самом здании: окрашивается пряжа, наматывается и набивается основа, взвешивается уток, пропорционально распределяется по каждому цвету, соответственно рисунку, все это передается для тканья рабочим в город или в окрестности; они работают для фабрики, но изолированно у себя на дому, затем ткани возвращаются — через посредников или непосредственно — для окончательной отделки на мануфактуру»³.

К этому описанию полностью приложимы слова Ленина: «Типичная картина капиталистической мануфактуры, самыми разнообразными и причудливыми способами переплетающейся с мелкими заведениями»⁴.

Кустари совсем не могут приобретать такой экзотический вид сырья, продающийся на рынках, чрезвычайно отдаленных от деревень, где сосредоточено прядение хлопка. Не кустарь приобретает сырье, но и роль посредников чрезвычайно скромна. Это — передаточные звенья между предпринимателем, центральной отделочной мастерской и рабочими⁵.

Этот тип разделения труда, естественно с целым рядом вариаций, сложился в 70—80 гг.⁶ и сохранился в основных чертах

¹ В здании ситценабивной мануфактуры Дольфюса в Тане занято 724 человека, см. R. L é v u, *Hoist. économique de l'industrie cotonnière en Alsace*, 1912, p. 196.

² В XVIII в. почти все владельцы ситценабивных мануфактур имели в Вогезских долинах прядильщиков и ткачей. В 1787 г. например Зенн-Бидерман в Везерлинге, Дольфюс в Тане, Пурталес в Мюнстере, Стефан в Рибовилле, L'huillier в s. Marie aux Mines были интегральными предприятиями. Стефан занимал (в 1786 г.) — 1200 человек, Зенн-Бидерман — 1800, Пурталес — 2300, из них 1500 прядильщиц (L é v u, p. 181).

³ Леви, см. указ. книгу, с.с. 153—155, 193.

⁴ Ленин, т. II, с. 254.

⁵ Тарле «производство пряжи для комиссионеров» считает во всех случаях не работой на мануфактуру, «а мелкой деревенской промышленностью», связанной с рынком через посредника.

⁶ См. Леви. «Еще в 1765 г. например Делорм имеет двух приказчиков, которые раздают хлопок в деревнях и получают пряжу и ткани,

еще в первой четверти XIX в. Он выгоден для мануфактуристов, потому что обеспечивает дешевые рабочие руки, не требует больших расходов на помещение и оборудование, не обязывает к непрерывной работе.

По сравнению с хлопчатобумажной и шерстяной промышленностью в полотняной господствует зачастую значительно более отсталый тип организации. Сырье находится у кустаря под руками, и, несмотря на то, что в области сбыта значительную роль начинает играть крупный купец (особенно в связи со спросом на полотна в Испанской Америке), производство по большей части находится в руках мелких производителей. Торговый капитал постепенно подчиняет себе полотняный рынок (например в Бретани), но в производство он еще совершенно не вторгается. Однако даже в такой экономически отсталой провинции, как Bas Maine, начинается складываться мануфактурное разделение труда. Предприниматель-ткач (*marchand-tissier*) скупает пряжу и раздает ее за собственный счет ткачам. Уже в конце XVIII в. изготовление слишком больших кусков полотна (в 100—120 локтей) объясняется происками *gros maîtres tissiers*, так как нужно быть богатым, чтобы делать большие закупки тонкой пряжи для изготовления крупных кусков полотна¹.

В Анжу уже в середине XVIII в. (1751 г.) интендант сообщает, что в Анжере, «хотя есть очень много ткачей, однако почти все работают за счет буржуа, которые снабжают их пряжей, и почти нет работающих за свой счет»².

Производство парусины в том же Анжере является превосходным образцом генезиса мануфактуры. Три купца-*toiliers*, в том числе Бонер, создают мануфактуру парусного холста, сбываемого адмиралтейству и «Индийской компании». Местного сырья не хватает, мануфактуристы ввозят коноплю и из соседних провинций. В обработке конопли, прядении (в окрестностях) и ткачестве (в здании мануфактуры) занято около 6 тыс. человек. Полотно ткется только из пряжи. К 1790 г. Губер-Бонер объединяет в своих руках и анжерскую и бофорскую мануфактуры, в

оплачивают рабочих и собирают товар в магазинах Делорма. Один из документов 1788 г. сообщает, что мольгаузенские ситценабивные фабриканты создали мастерские и торговые конторы для пряжи и тканья от Бельфора до Шлезигтата; кроме 10 тыс. рабочих, занятых в их предприятиях, они дают работу 60-тыс. населению в провинции (L é v u, p. 215).

¹ H. S é e, *Le commerce des toiles en Bas Maine* (Nayem, t. X). Статья написана на основании документов, сохранившихся от торгового дома Пусто-Дюплеси, занятого и продажей полотна и его побелкой (но не за собственный счет).

² V. D o p h i n, *Recherches pour servir à l'histoire de l'industrie textile en Anjou*, 1916, p. 60 и 122. Мар Анжера сообщает в 1749 г.: «Очень небольшое число ткачей этого города в состоянии покупать известное количество пряжи, большая часть работает для частных лиц».

помещении которых работает до 700 человек. Число фактических мануфактурных рабочих настолько уже велико, что префект департамента Мэн и Луар в 1800 г. сообщает министру, что от плавности работы анжерской мануфактуры «зависит спокойствие департамента; вы этому не удивитесь, если я добавлю, что она занимает может быть 20 тыс. душ населения всех полов, что она поглощает все сырье, добываемое в этом департаменте». Губер-Бонер — владелец этой мануфактуры — является и политическим хозяином Анжера: он председатель директории дистрикта Анжера (с 1791 г.), в эпоху Директории — он член Совета пятисот, мэр города¹.

Купец вторгается в процесс производства, в собственной мастерской сосредоточивает определенную операцию, заставляет работать на себя целую округу, подчиняет ее экономически и политически — вот путь развития, характерный во второй половине XVIII в. не для одного Анжера.

В изготовлении самых тонких сортов полотна, батиста, сбываемых ими в крупнейших городах Франции или на внешних рынках, самостоятельность мелкого производителя уже совершенно ограничена. Цитированный нами доклад Vignon'a уже для 1698 г. указывает, что двадцать пять купцов ведут почти всю торговлю производимым в С.-Кантене и окрестных деревнях батистом, причем кое-где они же производят и отбелку полотна². На севере выработкой изделий из тонкого льна занято около 150 тысяч человек, — во главе этой промышленности стоит Валансьен, где сосредоточена побелка. В городах, например в Фурми, сосредоточено сучение ниток. На городских негоциантов работают вязальщицы и кружевницы; от негоциантов же «получает пряжу значительное количество фландрских ткачей»³.

Характеристика Тарле шелкоткацкой промышленности Лиона, как организованной по типу домашней промышленности, является наглядным доказательством всей поверхности этого определения, превосходно показанной Лениным. «Классификация капиталистических форм и стадий промышленности, данная Марксом, более правильна и более содержательна, чем та распространенная в настоящее время классификация, которая смешивает мануфактуру с фабрикой и выделяет работу на скупщика в особую форму промышленности (Гельд, Бюхер)... Понять значение работы на скупщика нельзя, не поставив ее в связь со всем

строем промышленности на данной стадии развития капитализма. И крестьянин, плетущий корзинки по заказам деревенского лавочника, и павловский черенщик, изготовляющий дома черенки по заказу Завьялова, и работница, шьющая платье, обувь, клеющая коробки по заказу крупных фабрикантов, — все это работающие на скупщика, но капиталистическая работа на дому имеет во всех этих случаях различный характер и различное значение.

Совершенно очевидно, что не «ouvriers-fabricants» стояли в центре промышленной деятельности. Купцы-фабриканты поставляют сырье, оплачивают его обработку и сосредоточивают в своих руках продажу тканей. Громадная масса рабочих подчинена капиталу, получает только заработную плату, не владеет ни сырым материалом, ни готовым продуктом.

Острая борьба между «maîtres faisant fabriquer, или работающими за свой счет», и «maîtres, работающими за счет других», намечается в Лионе еще к концу XVII в. Париже¹ указывает, что уже к 1740 г. господство в шелкоткацкой промышленности Лиона принадлежит 130 крупным купцам, на которых работает $\frac{3}{4}$ станков. Они комбинируют рисунки, выбирают сорта шелковой пряжи, снабжают ими «maîtres-fabricants», концентрируют в своих руках сбыт тканей. «Можно сказать, что они монополизировали шелковую промышленность Лиона», «они покупают шелк и регулируют пользование им». На некоторых негоциантов работают уже в начале XVIII в. сотни станков².

Для характеристики Лиона важно, однако, иметь в виду замечание Маркса: «еще до половины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же простым купцом, который предоставлял ткачам работать их старым, раздробленным способом и который господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 319).

Лионские негоцианты дают толчок к возникновению ряда ответвлений шелкоткацкой промышленности в окружающих районах. Уже во второй половине XVII в. лионские купцы посылают своих приказчиков для раздачи шелка и выработки лент в район С.-Шомона и С.-Этьена. Во второй половине XVIII в. в округе, протяжением 40 лье в окружности, производством лент занято по минимальным подсчетам тринадцатитысячное население. С.-этьенские купцы (в середине XVIII в. их всего около 30) занимают в окружающих деревнях около 15 тыс. станков. Что кустари лишились уже самостоятельности доказывает описание ленточного

¹ Дофэн, указ. книга, с. 160, биография Бонера, см. с. 131.

² «Mémoires et documents», v. I, p. 163. По Е. В. Тарле и в 1807 г. «в С.-Кантенском округе газовые материи выделяются 1200—1500 рабочими, которые живут отдельно и работают за свой собственный счет» («Континентальная блокада», с. 214).

³ G. Lefebvre, Les paysans du Nord, 1924, v. I, p. 287—288.

¹ E. Pariset. Histoire de la fabrique lyonnaise, p. 176, 179, 181, 254.

² Ibidem, p. 149, 210.

промысла в S.-Didier (1783): «рабочие сами приносят в Forez ленты, которые они изготовили, чтобы получить у крупных негодантов, на которых они работают («qui les font travailler»), заработную плату. Они обычно жертвуют выходным днем, чтобы отнести ленты и получить новые шелка для работы на следующую неделю»¹. Но эти кустари принесли только грубый фабрикат — лента должна быть еще выглажена, вылощена, на нее должен еще быть положен рисунок и т. д.; все эти операции будут выполнены частью другими кустарями, частью рабочими в мастерских marchand-fabricant'a. Тарле не отметил и интересной эволюции в области шелкопрядения и шелкокрутки, — отраслях, в свою очередь развившихся под влиянием лионских негодантов. До середины XVIII в. moulinage и tirage «остаются в Виваре сельским дополнительным промыслом, выполняемым самими шелководами. Однако в этот период намечается эволюция. Женщины специализируются в этой работе и выполняют ее за чужой счет; ходят на работу сами, либо же коконы шелка доставляются им на дом для дальнейшей обработки. Таким же образом в Aubenas появляется «Улица прядильщиц». В это же время, особенно во второй половине XVIII в., рождается крупная промышленность, появляются «прядильни», однако сперва слабо оборудованные»².

Мануфактурный строй, основанный на новом типе разделения труда, господствовал почти во всех отраслях промышленности, ввозивших сырье и вывозивших готовый фабрикат. Естественно, что в такой отрасли промышленности, как кружевная, работающей на внешние рынки, мелкий производитель постепенно лишился самостоятельности, подчинялся чаще всего собственно торговому капиталу, а кое-где превращался и в мануфактурного рабочего. В Velay (Риц) кружевница не сносится к концу XVIII в. непосредственно с купцом — связь осуществляется через посредниц («laveuses des dentelles»), разъезжающих в тележках, содержащих скупаемое кружево и сырье, которое они раздают крестьянам, получая его в свою очередь от крупного купца. Уже в 1711 г. об Оверни интендант Бавилль сообщает, что кружевной промысел «знаимает в кантоне большое число бедняков, которых купцы скупают всем необходимым»³. В Аржантене уже в XVI в. одна семья Guyard заставляет работать на себя целый округ; негодант сам производит раздачу рисунков, закупает тонкие нитки и при помощи своих рабочих выполняет сучение

и беление. В самой мануфактуре заняты сотни рабочих — главная часть работы выполняется в окрестностях, в мануфактуре Алексона занято 700 человек, а в округе — 8 тыс., в Velay — 60 тыс., в районе Лилль-Арраса — до 30 тыс. и т. д.

Текстильная промышленность во Франции XVIII в. была основной, ведущей. В мануфактурную стадию капитализма вошла однако не только она, но и ряд других отраслей, имевших сравнительно второстепенное значение.

По типу мануфактуры, целиком напоминающему русское Павлово, организован ножевой промысел в Тьере, одном из значительных промышленных центров Франции. Уже в XV в. треть его населения — ножевщики. В XVIII в. Legrand d'Aussy, побывавший в Тьере за год до революции, сообщает, что фабрикаты Тьера упорно борются с английскими вплоть до Индии, успешно сбываются в Испании, Италии, Турции. У фабриканта нет предприятия, а только раздаточная контора. «Сталь, которую он получает из Дофинэ или севера в больших полосах, он раздает martinaires, которые превращают раскаленную сталь в полосы нужной длины. Кузнецы С.-Реми или окрестностей Тьера получают затем эти полосы, из которых они куют разные ножевые части, затем переходящие в руки работающих напильником — сверлильщиков, точильщиков, полировщиков и т. д. Сам фабрикант производит закал стали по способам, переходящим от отца к сыну, затем после сдачи рукояток все передается сборщикам (aux monteurs), которые живут в деревнях. Эта организация труда характеризуется рассеянием рабочих на дому, далеко идущим разделением труда (одна пара ножниц проходит через 20 различных рук), крайней специализацией рабочих на одной детали из поколения в поколение»¹.

Дешевизна фабрикатов Тьера объясняется изобилием рабочих рук в деревнях. Это огромное преимущество позволяло мануфактуристам Тьера сохранить организацию труда до середины XIX в., когда иностранная конкуренция заставила ввести машину. В революционные годы ножевщики Тьера занялись выделкой холодного оружия. Что мелкие кустари были уже только занятыми на дому мануфактурными рабочими и что под командой отдельного капитала находились уже сотни человек, доказывает пример производства кавалерийских сабель Р. Courby, у которого занято больше 600 рабочих².

¹ P. C o m b e, Thiers et la vallée industrielle de la Durole («Annales de géographie» № 172, 1922). См. также G r a s, Essai sur l'histoire de la quincaillerie; H. S é e, Evolution économique et industrielle de la France, p. 294; B o u r g i n, L'industrie sidérurgique en France au début de la révolution, 1920, p. 349; см. также К о в а л е в с к и й, Происхождение современной демократии.

² R i c h a r d, Le comité de salut public et les fabrications de la guerre, Paris 1922, p. 183.

¹ G r a s, Histoire de la rubannerie en S.-Etienne, 1908, p. 51, 121, 133.

² E. R e u n i e r, La soie en Vivarais.

³ L a r g a d e, Le point de France et les centres dentelliers, 1905. v. III, p. 153, 256. Е. В. Тарле еще в «Континентальной блокаде» утверждал, что «полотняное и кружевное производство все цело (разрядка Тарле — В. Д.) в руках кустарей, больше, чем какая бы то ни была другая отрасль промышленности» (т. I, с. 564).

Ковалевский рассматривал промыслы Тьера как подчиненные власти торгового капитала. Он не заметил, что и здесь в XVIII в. был скупщик, раньше скупавший товары у кустарей, теперь стал предпринимателем, организовал производство как мануфактуру, поднял производительность путем проведения системы разделения труда.

Ленин очень точно формулировал формы перехода от эксплуатации кустарей торговым капиталом к мануфактуре: «торговый капитал в мелких промыслах, достигая высшей ступени своего развития, сводит уже производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату. Если дальнейшее развитие ведет к тому, что в производство вводится систематическое разделение труда, преобразующее технику мелкого производителя, если «скупщик» выделяет некоторые детальные операции и производит их наемными рабочими в своей мастерской, если наряду с раздачей работы на дом и в неразрывной связи с ней появляются крупные мастерские с разделением труда (принадлежащие нередко тем же скупщикам) — то мы имеем перед собой другого рода процесс возникновения капиталистической мануфактуры» (т. III, с. 300, 3-е изд.) (подчеркнуто нами. В. Д.).

В С.-Этьене — важном оружейном центре, — так же как и в Шарлевилле, нет крупных мастерских, но масса повсюду разбросанных мелких мастерских руководится крупными предпринимателями, установившими между этими мастерскими определенное разделение труда. Совершенно так же организована будет впоследствии (в 1806 г.) машиностроительная мануфактура (Кокерилля) для шерстяной промышленности: «каждая часть производится отдельно разрозненными рабочими на дому в городе и в его окрестностях; на фабрике заняты только тем, что собирают эти части вместе и конструируют машины»¹.

Мануфактурное разделение труда проведено в игольном производстве Laigle'я. Сырье (латунь) выписывается из-за границы и раздается кустарям на дом негодантом, например Leleu; в городе и соседних деревнях на 4 лье в окружности этим промыслом занято около 1000 человек. Документы говорят о заработной плате, ими получаемой, и в этом промысле кустарь является мануфактурным рабочим². В производстве мелких железных изделий — в гвоздильном промысле, слесарном — мануфактурное разделение труда проведено далеко.

Ленин, изучая мануфактурную стадию русского капитализма, подчеркивал, что речь идет не об отдельных предприятиях того

¹ Ballot, p. 190, 429; Bourgin, L'industrie sidérurgique, p. 19, 222—224.

² Bourgin, L'industrie sidérurgique, p. 344; см. также у Tarle о Leleu.

или иного типа, а об «одном строе промышленности», тесно увязанном со всей ступенью экономического развития страны. Что и применительно к Франции должен быть поставлен вопрос о преобладании там мануфактурного строя промышленности, при всей причудливости и своеобразии его переплетения с более ранними стадиями и формами промышленности, доказывает пример одной из значительных отраслей рыболовства — ловля сардин. В Бретани приманкой при этой ловле является тресковая икра (gogue), доставляемая из Дании и Норвегии, особенно из Бергена. Скупку этой приманки организовали крупные купцы, которые, не довольствуясь огромными прибылями при продаже икры рыбакам, в силу завоеванного монопольного положения требуют обязательной продажи к себе в магазины сардин, вернее сдачи по устанавливаемым ими же ценам. Жалобы рыбаков указывают, что например в 1785 г. негодант Легро отказывается продавать икру даже за наличный расчет, «потому что они не приносят ему сардин в магазин для продажи»¹. Постепенно в руках купца одних и тех же негодантов сосредоточивается торговля икрой, скупка сардин у рыбаков, прессовка и соленье их, упаковка и сбыт. «Ils achètent, revendent et fabriquent la sardine», как говорит меморандум моряков, поданный в 1789 г. Та же группа монополистов (жалобы говорят о 30 скупщиках, «cassapareurs», эксплуатирующих несколько тысяч рыбаков) владеет уже 88 собственными судами с командой около 400 человек. Совершенно не случайно в тексте жалоб попадает слово «capitalites»; сардиночная промышленность — яркий образец успехов капитализма во Франции XVIII в. Бретонские рыбаки, лишенные капиталов, хотя и покупают приманку как самостоятельные производители, но, вынужденные сдавать рыбу тому же скупщику, часть операций производящему уже у себя на дому, приближаются к положению нормандских или фландрских кустарей, получающих на дом сырье. При всем своеобразии отношений основные черты перерастания торгового капитала в промышленный, развития мануфактурного разделения труда и подчинения кустарей, характерные для эволюции всей страны, вполне обозначились и здесь².

V

«Французская промышленность была еще в стадии младенчества: вот категорическое суждение, которое Комитет общественного спасения выслушал еще в 1795 г. и которое по мнению

¹ См. чрезвычайно интересный этюд Н. Sée, Etudes sur la pêche en Bretagne au XVIII s. (Mémoires et documents, v. 9, p. 252—255).

² См. также Vignols et Sée, La correspondance d'un marchand de sardines («Mémoires et documents», 10-me série, 1926) и Н. Sée, La pêche et le commerce en Bretagne de 1791 à 1820 («Mémoires et documents», 12-me série, 1929).

некоторых современников оставалось в известном отношении в силе еще в первые годы империи. Почти совершенное отсутствие во Франции механических усовершенствований как нельзя более гармонирует с уже отмеченным фактом господства домашней промышленности, объясняет и подтверждает этот факт¹.

Что Франция перед революцией не переживала еще периода промышленной революции, это совершенно очевидно, и попытки доказать обратное обречены на неудачу. Работа Балло не доказала, что промышленный переворот начался в 1789 г., но она вместе с рядом других работ явилась превосходным доказательством известного положения Маркса, что «отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях задолго до него, эти орудия развиваются в машины».

Техника французской промышленности была техникой, соответствующей не «младенческому состоянию», а мануфактурной стадии. Основным процессом было здесь усиление роли централизованной мануфактуры, улучшение инвентаря, оборудование центральных отделочных мастерских, без чего промышленный экспорт Франции не в состоянии был выдержать конкуренции с другими странами. Но именно эта же конкуренция в одной отрасли промышленности — хлопчатобумажном прядении — обуславливала необходимость перехода от мануфактуры к фабрике.

Тарле считал, что и в этой области «кроме робких, пионерских опытов в сущности почти ничего не было сделано»². Совершенно естественно, что это вызывает ряд недоумений: если английская хлопчатобумажная промышленность столкнулась с «мелким производителем», то чем объяснить возможность такого мощного контрастования, каким была континентальная блокада?

Ш. Шмидта — очень осторожного историка-архивиста — анализ фактических данных заставил прийти к другому выводу о техническом уровне хлопчатобумажной промышленности: «после промышленной революции в Англии аналогичная революция, но более медленная происходила во Франции в конце XVIII в.». «Начиная с 1780 г. машины начинают распространяться во Франции. После кризиса — в эпоху падения ассигнаций — последние годы XVIII в. отмечены созданием множества больших мануфактур, возникающих с затратой значительных капиталов. В 1806 г. в Париже создается «комитет прядильщиков» — признак, знаменующий могущество, достигнутое индустрией, 20 с небольшим лет назад начавшей создавать свое оборудование»³.

Тарле не отрицает наличия некоторых машин, но он отрицает какую бы то ни было закономерность в их появлении. Тарле

¹ Е. В. Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 188.

² Ibidem, с. 148.

³ С. Schmidt, Les débuts de l'industrie cotonnière («Revue d'histoire économique» за 1913 и 1914 гг.).

приводит цифры Толозана о распространенности jenny¹ и отмечает появление восьми машин Аркрайта, «введенных одной-двумя семьями английских механиков, которые ad hoc были выпущены и числились на службе правительства»².

История этих предприятий и их владельцев показывает, насколько неправильно истолковано их появление Тарле, как «дат в распространении технических знаний», не характеризующих экономическую эволюцию страны.

Первая по времени бумагопрядильня в Neuville принадлежит Perret. Ее владелец «marchand-fabricant» золотых, серебряных и шелковых изделий в Лионе; затем он создает в Лионе шелкопрядильню; присоединяет к ней в 80-х гг. обработку хлопка, а после удачи предприятия в 80-х гг. приобретает машину Мильна и приступает к механическому прядению.

Целиком показательной является история появления «машины и ее заведующего» в Лувье, этом старом центре капиталистической мануфактуры. Предприниматели Лувье, располагая очень значительными капиталами, стремились еще начиная с 1777 г. перейти к механическому чесанию и прядению шерсти. Именно с этой целью они пригласили английских инструкторов. Но так как в Лувье усиленно начинают распространяться прядение хлопка и выписанные англичане знакомы были как раз с новейшими изобретениями Аркрайта, предприниматели решают присоединить к прядению шерсти и механическое прядение хлопка; несколько крупных «торговых домов» (тот же Декрето и др.) вступают в соглашение с крупными руанскими предпринимателями (бр. Fontenay и др.) и открывают крупную мануфактуру, располагавшую водяным двигателем («la roue hydraulique»). В 1787 г. в помещении этой мануфактуры работает 18 кардных машин, 3 прядильных, около 200 рабочих. В 1810 г. та же мануфактура занимает уже 600 рабочих и дает продукции на 1½—2 млн. ливров³. Вместо этой переросшей уже в фабрику мануфактуры у Тарле оказалось только «двое английских инструкторов».

Гораздо сложнее появление «машины» в Орлеане. Здесь в роли предпринимателя выступает герцог Орлеанский. Разумеется «зять Мильна» и не мог быть ее хозяином — постройка и оборудование предприятия обошлись в 500—600 тыс. ливров. Оборудование состояло к 1789 г. из 15 ассортиментов машин. В 1791 г. —

¹ Vallot (с. 47—48) оспаривает обычно приводимую цифру jenny — 900 (в одном Руанском округе их было больше 700, Лилльском — 263, Труа — 175, Ноуон — 40 и т. д.).

² Е. В. Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 140: «Вторая машина существует в Лувье и ею заведуют (!) два англичанина; есть еще шесть машин... из них одна находится в Орлеане и ею заведует Фокслоу («зять Мильна»), другую «заведует сын Мильна» и т. д.

³ Балло, с. 83; см. также ст. Шмидта; о Fontenay см. дальше в связи с опытами Бертоле.

это первая во Франции хлопчатобумажная мануфактура, на которой применяется паровая машина¹; в помещении мануфактуры занято 700—800 рабочих. Орлеанский интендант Tribert в цитированных уже нами дофесениях констатирует определенный прогресс техники: «в течение последних двух лет в Орлеане начало работать довольно значит. количество этих заново сконструированных во Франции машин — по образцу тех, какие давно уже употребляются в Англии». Директор мануфактуры предполагает, что при помощи паровой машины (*rompre à feu*) продукция в течение ближайшего года вырастет в 6 раз. «С помощью этих машин, число которых начинает быстро расти во Франции, нужно ожидать в ближайшее время крайнего удешевления хлопчатобумажной пряжи»².

Другим примером перерастания мануфактуры в фабрику является Амьенская прядильня. Крупные негоцианты Морган и Delahaue предпринимают в 1765 г. производство хлопчатобумажных материй; как и всегда они заняты прядением, ткачеством и окраской. С 1783 г. они начинают применять «дженни», в 1781 г. в мануфактуре занято 400 рабочих; в 1791 г. кризис подталкивает их к установке *mul-jenny* Кромптона. Применение «дженни» еще не означало появления фабрики: предприниматель Далу (в Crest) например, на которого работало около 1000 человек, распределял их среди кустарей, но инициатива их применения идет от мануфактуриста, и та же самая конкуренция, которая вынуждала предпринимателей вводить дженни, заставляла приобретать и прядильные машины. Тот же Далу в 1790 г. покупает у Мильнов ассортимент машин. Тарарская бумагопрядильня Le-Pescheux часть дженни разместила у крестьян, но в самом здании есть уже прядильные машины.

Косвенным доказательством допущенной Тарле ошибки является его оценка роли детского труда во Франции. В своей характеристике промышленности до революции он о детском труде в мануфактурах не упоминает вовсе. В главе о кризисе промышленности, рисуя «весь трагизм положения» бумагопрядильной промышленности, Тарле указывает, что «содержать взрослого рабочего хозяева не в силах» и в силу этого, чтобы хоть как-нибудь поддержать существование предприятия, они вынуждены просить правительство дать им «несколько детей, призреваемых в благотворительных учреждениях»³.

Е. Тарле слишком хорошо образованный историк, чтобы не знать, что в тех же 90-х гг. по ту сторону Ламаншского канала

шла охота за детьми, которая никак уже «трагизмом положения» объяснена быть не может. Уже в 80-х гг. одновременно с первыми опытами механического бумагопрядения детский труд во Франции начинает получать более широкое применение. Уже на Невильской мануфактуре кардной машиной руководят дети от 4 лет. В мануфактуре Louviers в проекте организаторов указывалось на то, что один ребенок с помощью машины даст больше работы, чем 20 взрослых прядильщиков. На Орлеанской мануфактуре работает 96 детей в возрасте от 8 до 16 лет и около 50 в возрасте от 5 до 8 лет. В том же Арпажоне, на который ссылается Тарле, применение детского труда началось сразу же с открытием мануфактуры. Что кризис здесь решительно не при чем, видно из того, что после него фабрикант создал специальный приют для сирот, которые и работали на мануфактуре. Когда *Voeyr-Fonfrède* в 1791 г. (до всякого кризиса!) открывает мануфактуру в Тулузе, то он сейчас же требует детей и при Директории использует уже труд 600 детей. Прядильня банкиров *Périer* (1790 г.) занимает 600 детей, в гидравлической прядильне *Sykes'a* (1793 г.) — 200 девочек. При открытии каждой новой прядильни, — это одинаково характерно как для периода Конвента и кризиса ассигнатов, так и после него, — постоянный прилив предпринимателей: «дайте нам детей из приюта»¹. Историк промышленности и рабочего класса связал развитие детского труда не с появлением машин, а с кризисом и, вдобавок, проглаголет первые зародыши движения рабочих против машин, исходя из представления о «младенчестве» французской промышленности. Поиски луддитов в царстве северной Семирамиды были бы действительно безнадежной задачей, однако аналогия эта была проведена, как видим, несколько поспешно...

В хлопчатобумажной промышленности в 80-х гг. установлено несколько случаев разрушения машин. В 1788 г. в Falaise огромная толпа женщин заявляет прокурору о своем решении съечь недавно установленную фабрикантом машину. Попытка спасти ее не удается, и прокурор в своем докладе приходит к выводу, что в таком городе, где прядением занято 8 тыс. человек, опасно разжигать мятеж и употребление машин должно быть запрещено. Бюро торговли «вознегодовало»: машины необходимы, чтобы справиться с английской конкуренцией; нужно принять все меры к тому, чтобы мятеж был изолирован и опасный пример не передан Лувье, Руану, Арпажону, где созданы новые механические заведения. Отправляется батальон гренадер;

¹ О всех приведенных фактах см. у Шмидта (ст. за 1914 г., об Арпажонской мануфактуре, также у Балло, с. 81). Далеко не специалист-историк П. Лафарг указал еще в 1890 г., что мануфактура Ревельона использовала труд детей от 14 до 15 лет. Снижение заработной платы и удавалось ему благодаря использованию детского труда (Лафарг, Соч., т. II, с. 395—396).

¹ Тарле считал (см. сб. «Россия и Запад»), что Франция не знала паровых машин до XIX в.

² См. «Mémoires et documents», т. II; H. Séé, L'évolution etc., p. 284.

³ Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 447—448.

это вызывает общее негодование, и декан Фалеза отправляет просьбу королю с просьбой о помощи 4000 прядильщиков, из-за машин остающимся без работы. По поводу всех этих петиций сам Неккер пересылает «тревожающую» его переписку Толозану и осведомляется: «Нет ли у нас каких-либо сведений об Аббевилле, где, мне кажется, находится в большом возбуждении по такому же поводу? Нет ли сообщения из Пикардии?»¹

Однако спасти Руан не удалось. 14 июля 1789 г. толпа в несколько сот человек, после двухдневных волнений, врывается в мануфактуру, где были установлены прядильные машины Барневилля², и разрушает их. Несмотря на репрессии волнения продолжались, в результате разрушено кроме машин Барневилля более 700 дженни, шесть кардных машин и т. д. Что почва накалялась издавна, видно из того, что к моменту созыва Генеральных штатов в Руане вышла брошюра «Требование шести предместий («faubourgs et banlieux») города Руана об уничтожении прядильных машин».

Требование это мотивировалось тем, что машины займут только $\frac{1}{20}$ часть рабочих рук и что вырастет конкуренция Руану в других городах.

В Труа рабочее население всячески мешает установлению механических прядилок, этого «предосудительного изобретения, лишшающего многих работы, требует их запрещения»³. Предприниматели отправляют их в деревню, и там раньше всего развивается механическое производство; только позже, после Директории, их удается ввезти в города, и в IX г. в Труа создается прядильня с «мюль-дженни». Депутат Саух в учредительном собрании, жалуясь на повсеместную порчу машин, заявляет в 1790 г., что «придется ждать 20 лет до того, как разовьется широко применение машин».

¹ C. Schmidt, «Revue historique» за 1908 г., ст. «Промышленный кризис 1788 г.», с. 86. Неслучайно Кареев указывал Тарле на недопустимое игнорирование литературы предмета. Ведь еще в 1911 г. Тарле считал, что до революции рабочие «только в этом производстве (ленточном) почувствовали реальную опасность для себя от введения механических усовершенствований».

² История изобретения Барневилля также поучительна. Они имеют в Руане блестящую торговлю «полотнами, кружевами и шелком». В 1755 г. отец Барневилля изобретает машины для прядения шерсти, льна и особенно хлопка. Ясно видно, что почва капиталистической мануфактуры дает толчок технической мысли.

³ Vernier, *Cahiers de doléances du bailliage de Troyes, v. I.* «Прядение — душа вязального производства; чтобы пряжа была хороша, необходимо, чтобы она была сделана рукой, а не путем механических станков, которые очень распространены со времени упадка нашей «фабрики», особенно в деревнях, жители которых забросили обработку земли, чтобы со всей страстью броситься на эту отрасль промышленности, покровительствуемые механическими станками, которые дают им возможность истребить городских ремесленников» (с. 192 — наказ «compagnons-bonnétiers», см. также с. 159).

Само собой разумеется перечисленные факты свидетельствуют лишь о первых шагах в области механического бумагопрядения. Революционные формы процесса внедрения прядильной машины приобретает лишь в период континентальной блокады и завершается в основных чертах лишь к концу первой трети XIX в. Но объяснен этот процесс может быть только в связи с установлением господства капиталистической мануфактуры в хлопчатобумажной промышленности, иначе непонятны дальнейшие быстрые технические успехи. В 1790 г. «дженни» было только 900, но уже в 1805 г. их было около 12500, а число прядильных машин с 8—9 выросло до 3300¹. В свете этих цифр несомненно, что первые машины и первые сотни «дженни» в 80-х гг. были не «совершенно случайным новшеством», «экзотическим явлением» (Тарле), а первыми признаками, обозначившими начало процесса перерастания капиталистической мануфактуры в фабрику в хлопчатобумажной промышленности. Промышленную революцию в этой отрасли несколько задержали революция и войны. Но перерастание это было экономически неизбежно, и никаким демиургом правительство, как бы упорно оно ни доказывали Балло и большинство французских исследователей, не было. Характерно, что в 1785 г. генеральный контролер отказывает Невильской мануфактуре в субсидии, так как образовалось много подобных мануфактур, которым государство ничего не дало. Крупная промышленность может создаваться без финансовой поддержки государства².

Техническая отсталость преувеличена Тарле в шерстяной промышленности. Перерастание мануфактуры в фабрику здесь еще не началось перед революцией, однако «дженни» нашла уже себе применение (в 1787 г. их было около 100). Еще в 1777 г. предприниматели Лувье жалуются, что прядение страдает от недостатка рабочих, и хотят использовать механическую прялку³. Перерастание в основном началось в период империи, но то обстоятельство, что машины Кокерилля сразу нашли широкое применение (в 1812 г. сбывалось 2000 машин в год), подтверждает, что мануфактура господствовала в шерстяной промышленности. Предположение, что «шерстобиты и суконщики далеко не всюду убеждены в нужности механических усовершенствований и иной раз весьма самоуверенно об этом заявляют»⁴, сохранив эту позицию вплоть до периода консульства, опровергают нагляд-

¹ См. Балло, с. 124.

² Указанная статья Шмидта за 1914 г., с. 274.

³ Ballot, p. 175.

⁴ Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 260. «Еще при консульстве в 1801 г. министерство внутренних дел тщетно взывало к изобретателям — до самого конца интересующей нас эпохи в области техники шерстяной промышленности почти ничего не было сделано».

нее всего требования седанских предпринимателей. *Mogue* в донесении Шапталю сообщает: «Остается поддержать желание седанских фабрикантов о введении у них искусных машин, которыми пользуются англичане... Много прядильных машин уже действует в Реймсе, стригальная машина имеет там великолепный успех. Введение этой последней машины в Седане положило бы конец мятежному духу *tondeurs*. Страх перед ними был долгое время... помехой для предпринимателей в применении машин в Седане». Предприниматели ходатайствуют, чтобы предприятия, применявшие машины, находились под особой защитой правительства — «единственный способ избежать их разрушения рабочими»¹.

Фабрика не могла вырасти из самостоятельных мелких кустарных промыслов — она сменяла мануфактуру. Лучшим примером является Терно — своеобразный Стиннес эпохи континентальной блокады, крупный седанский мануфактурист перед революцией. Первые шерстобитные машины Дугласа направляются в Реймс, Седан, Эльбеф — центры капиталистической мануфактуры.

Из того, что предреволюционная Франция не переживала еще периода промышленного переворота (исключая первые признаки его в хлопчатобумажном прядении), вовсе не следует, что она не знала ряда значительных технических усовершенствований. Маркс указывал, что от XVI до середины XVIII вв. происходит «внутри мануфактуры предварительная работа для создания машинной промышленности» (письмо Энгельсу), шагом к «изобретению самодвижущегося аппарата» являются попытки *Вокансона*, что «всякий способ разделения труда имеет свои орудия труда. С середины XVII до середины XVIII вв. были инструменты и даже очень сложные» (письмо *Анненкову*).

Техника мануфактурной стадии стоит несомненно выше техники предшествующих экономических стадий. Достаточно нескольких примеров, чтобы на истории французской промышленности убедиться в правильности положения Маркса. Совершенно очевидно технические достижения ситценабивной промышленности: печатание ситцев происходит только в централизованной мануфактуре, постройка и сложное оборудование которой требовали значительных капиталов, в среднем около 400 тыс. ливров, — в отдельных мануфактурах по 80, 100, 125, 186 «столов» («*tables*»). Для набивки ситцев вводятся технические новшества (с 1782 г. — «*planches plates de cuivre*», прокатные валы — сперва у *Оберкампа*, а с 1803 г. и в Эльзасе).

¹ *Ch. Schmidt*, *La draperie à Sedan en 1803* («*Revue d'histoire des doctrines économiques*», 1912, p. 108). Кстати этот документ доказывает правильность и для Франции мысли Маркса, что для Англии «изобретение и применение машин после 1825 г. было только результатом войны между рабочими и предпринимателями» (письмо *Анненкову*).

Купец превращается в мануфактуриста тогда, когда «производит у себя на дому некоторые детальные операции, организует крупные мастерские с разделением труда» (*Ленин*). Образцом таких мастерских являются белильни и красильни нормандских и фландрских негоциантов. Улучшение способов окраски материи является результатом развития капиталистической мануфактуры, а не «правительственных забот», как считает *Е. В. Тарле*¹.

Способ окраски *Бертоле* применяется впервые в Руане крупнейшими негоциантами-прядильщиками, *Grandin* и *Fontenay*, поддерживавшими *Бертоле* после неудачи его первых попыток. Только при помощи *Fontenay* я опыты *Бертоле* были доведены до конца. Толчок технической мысли исходит от мануфактуры, работавшей на внешние рынки и немедленно воспринимавшей технические новшества. Этот прогресс одинаково может быть отмечен и в шелкокрутке, в ленточной промышленности, бумажной, металлургической и угольной промышленности.

Оценка *Балло*, что в шелкокрутильной промышленности «крупные прядильни с автоматическими машинами, работающими днем и ночью», представляют прообраз современного предприятия, неверно смешивает фабрику с мануфактурой. Крупные прядильни *Deydier Judé* отнюдь не фабрики, но, как и ситценабивные мануфактуры, являются образцом крупной мастерской, которых еще не было во Франции первой половины XVIII в. *Reunier* отмечает, что «активными поисками», опытами механического усовершенствования наполнена «последняя четверть XVIII в.»²; вновь созданная «*manufacture réunie*» вводит значительные технические усовершенствования.

Точно так же применение «цюрихских станков» еще не означало промышленной революции в ленточном производстве, но инициатива их применения шла именно от мануфактуристов. В С.-Этьенском районе первым приобретает эти станки крупный предприниматель *Dugas*, на которого работает 1200 семей и ²/₃ всех станков (около 2400). Уже в 1755 г. *Дюга* скупил у разорившейся парижской компании 73 станка; в 1765 г. он собирается открыть централизованную мануфактуру. *Салишон*, с большим успехом применявший эти станки, в свою очередь является с.-этьенским *merchant-fabricant*³. К началу революции в С.-Этьене имеется уже около 1200 «цюрихских станков», все они принадлежат мануфактуристам, технически перевооружающимся.

Превращение скупщика в предпринимателя, появление новых

¹ См. *Ballot*, p. 83 и 530; *Тарле*, *Рабочий класс*, с. 185. «Вопрос об усовершенствовании способов окраски материй озабочивал французское правительство».

² *Reunier*, *La soie en Vivarais*; *Ballot*, p. 324, 327. См. критику *Балло* в ст. *Ф. Потемкина* («*Историк-марксист*», № 12).

³ *G r a s*, *Histoire de la rubannerie en S.-Étienne*, p. 838.

мастерских, применяющих технические нововведения, можно проследить и в металлообрабатывающей промышленности. Наиболее ярким образцом являются мануфактуры в Lamécouze¹ (Арденны). Крупные негоцианты братья Орсель, в руках которых сосредоточилась торговля мелкими железными изделиями (quincaillerie) в Париже, экспортировавшие их в Испанию и в Италию, переходят к самостоятельному производству. Большинство рабочих занято не в самом здании, а в деревнях Седана и даже Шампани, но и в самом здании работают 140 человек, в том числе 60 детей. Мануфактура пытается применить способы производства Болтона. Современники отмечали богатства ее оборудования: «прокатный станок, приводимый в действие водой, две штамповальни, 5 пресов, шестой большой пресс для штамповки пряжек, полировальная машина, движимая водой, и другая, которую приводят в действие двое людей, токарный станок для выделки гаек» и т. д. Крупные мастерские в этой отрасли промышленности возникают в La-Charité, Clermont, Лионе, Роанне; во всех них применяются станки для резки (coupoirs), прокатные станки (laminoirs), штамповальни. В Роанне отмечается «производство пряжек à la machine, по английскому образцу»². Как в ситценабивной промышленности, в мелкой металлообрабатывающей промышленности, так и в производстве оружия появление крупных мастерских (например в Тюлле) явление не случайное, а закономерное для мануфактурного периода.

Мелкое производство преобладает в металлургии³, однако характеристика ее технического уровня будет совершенно неточна, если не подчеркнуть возникновения именно во второй половине XVIII в. нескольких крупных металлургических предприятий, созданных при затратах значительных капиталов и несколько улучшивших технику выработки чугуна и железа. Достаточно указать на лотарингские предприятия Дитриха, начавшего с финансовых операций, вложившего затем свои капиталы в металлургию. В 1785 г. ему принадлежит 6 предприятий, в том числе железоделательный завод в Нидерборне, где занято 800 рабочих, предприятия в Егертале, о которых очевидец пишет, что «пять топков, два молота в постоянном движении, движение колес, большое число рабочих, всегда занятых, поражают взор в этой большой мастерской», Райхсгофене и т. д.⁴. Тип Декрето и Joubert-Bonnair'a — политических деятелей, выходцев из среды крупной

промышленной буржуазии — дополняет брат Дитриха, первый мэр Страсбурга после революции, в доме которого впервые спел Руже-де-Лилль марсельезу¹.

Именно на мануфактурной стадии капитализма может быть понято появление такого крупного предприятия как Крезе, обобщенное в несколько миллионов ливров. Предприятие объединило чугуноплавильный и литейный заводы, угольные шахты (Montcenis), стекольный завод и т. д. В 1781 г. в деревушке было всего 7—8 хозяйств, в 1787 г. около 1400 человек; только на чугунолитейном заводе работает 578 человек. В Creusot применяется каменный уголь для плавки руды, имеется 5—6 паровых машин, паровой молот, разные станки и т. д.².

Наконец представлению о «младенческом состоянии» техники не соответствуют данные о развитии угольной промышленности. Рост мануфактур естественно вызвал спрос на уголь со стороны промышленности. Совершенно понятно указание одного концессионера в Hainaut в 1784 г. на то, что «Нормандия с ее красильнями, ткацкими, винокурнями имеет огромную потребность в угле». В соответствии с этим именно во второй половине XVIII в. начинается рост угольной промышленности, появляются и крупные шахты. Анзенские копи, наиболее крупные, насчитывают 4 тыс. рабочих, 12 паровых машин; капитал, вложенный в них, — по преувеличенным правда подсчетам, — превышает десяток миллионов ливров; в 1789 г. шахты дают больше миллиона прибыли. Паровая машина есть и в шахтах менее значительной компании Aniche³.

Мы считаем возможным ограничиться этими отдельными доказательствами. Промышленная революция не началась еще во Франции, уровень техники еще очень низок, предприятия Крезе является исключением, да и его расцвет произошел в 30-х гг., но все же технический прогресс, соответствовавший мануфактурной стадии, совершенно очевиден. Первые опыты механического прядения хлопка, «цюрихские» станки в ленточном производстве, применение прокатных валов в ситценабивной промышленности, технические усовершенствования шелкокрутки в новых мануфактурах, новый способ окраски тканей, появление крупных мастерских с рядом приспособлений в мелкой металлообрабатывающей промышленности, первые опыты применения паровых ма-

¹ Bourgin, L'industrie sidérurgique à la veille de la révolution, p. 21—28

² Ibidem, p. 307—320, о Роанне — p. 221.

³ Необходимо однако отметить, что по самому беглому и неточному подсчету в списке металлургических предприятий, приведенных в публикации Bourgin'ом, около 20 предприятий с числом рабочих свыше 200.

⁴ Bourgin, L'industrie sidérurgique, p. 362—363

¹ Балло, p. 426—427. Владальцем нескольких крупных предприятий является Aubertot. Ему принадлежат заводы в Mareuilé (400 рабочих), Vierzon—Villages (400 раб.). Bourgin, p. 68.

² Этуод Балло о Крезе был опубликован еще в 1912 г., в работах Е. В. Тарле об этом предприятии не упомянуто.

³ M. Rouff, Les mines de charbon en France au XVIII s., 1922. Машины изготовляются Pèrier, акционером Крезе. Между 1778 и 1781 гг. изготовлено около 40 машин, здесь же изготовлены прокатные станки, валы для Оберкамфа и т. д. (См. у Ballot).

шин, возможность появления таких предприятий как Крезю — все эти успехи еще достаточно скромны, не дают никаких оснований говорить о «введении машинизма в промышленности», потому что инструмент не заменил ручного труда, но все же совершенно несовместимы с представлением о господстве самостоятельного мелкого ремесла.

Техника производства у нормандских, пикардских, бретанских кустарей оставалась неизменной; мануфактура неспособна переделывать мелкое производство, она «покоится на этом базисе», но техника в отделочных цехах *manufacture dispersée* прогрессировала, как бы медленны и ничтожны по сравнению с машинной индустрией эти успехи ни были. Самая беглая характеристика технического уровня французской промышленности подтверждает вывод о преобладании капиталистической мануфактуры. В хлопчатобумажной промышленности первые прядильные машины не были «датами технических знаний», это были «вестники новых времен», признаки превращения мануфактуры в фабрику.

VI

Несомненной заслугой «русской школы» было подчеркивание роли деревенской промышленности (хотя, как видим, со всей силой этот вопрос был поставлен Марксом). Справедливо было и указание на то, что деревенская промышленность существовала задолго до закона 1762 г. и была им лишь легализована. Но причины расцвета деревенской индустрии, ее легализации именно во второй половине XVIII в. истолкованы были неправильно.

Прежде всего нужно внести поправку к освещению вопроса о районах распространения деревенской промышленности: Лучицкий и Тарле считали, что к занятию промышленным трудом толкало неплодородие почвы и невозможность в связи с этим прокормить семью.

Жалобы на недостаток рабочих рук идут из Шампани, где широко развитое сукноделие вело борьбу на этой почве с виноградарством и виноделием. Такие же жалобы идут и из Прованса, где «помещики с давних пор недоброжелательно смотрели на индустрию», отнимающую руки от земледелия, из департамента устьев Роны, Вьенны, Соммы и некоторых других¹. В Лангедоке это недоброжелательство крупных землевладельцев к сельской индустрии наблюдается еще в 1727 г.: «нехватает рабочих для возделывания земли». Борьба за рабочие руки свидетельствует о том, что деревенская промышленность быстро развивалась и в районах плодородных с интенсивным земледелием.

Сэ считает, что во Франции обозначилось два района распространения сельской индустрии. Первый — где земледелие мало-

производительно, как Бретань и Bas Maine; в них торговцы выступают исключительно в качестве посредников и не руководят производством. После революции в XIX в. индустрия здесь постепенно хиреет.

Наоборот во Фландрии, Пикардии земледелие процветает. Здесь деревенская промышленность широко развивается, потому что «большое количество крестьян лишено собственности», и здесь «деревенский ремесленник часто целиком зависит от подлинного мануфактуриста, который распоряжается его трудом»¹. Не недостатку средств для пропитания, а «избытку рабочей силы обязана своим развитием деревенская промышленность во Фландрии и Пикардии: здесь она дольше удерживается в XIX в.»².

В первом случае промышленный труд является подспорьем, во втором даже в районах интенсивного земледелия для пролетаризирующейся части крестьян промышленный труд становится основным занятием. Капиталистическая мануфактура может проникнуть в деревню лишь на определенной ступени разложения крестьянства. Факты, приведенные самим же Тарле, заставляют признать правильность вывода Сэ.

Борьба между деревенским кустарем и системой цехов шла давно, но причины легализации кустаря, роста промыслов кроются именно в развитии мануфактуры.

Основной чертой экономической истории Франции XVIII в., как совершенно правильно подчеркивает Матьез, является борьба буржуазии против цехов. Эту борьбу ведет и торговая буржуазия: в Бордо (в 1716 г.) торговая палата хочет помешать плотникам и конопатчикам судов создать корпорации³; в Нанте хлебные негоцианты противятся образованию корпорации крючников; в Сен-Мало в 1732 г. буржуазия добивается не только запрещения создания новых цехов, но и разрушения старых, которые «тиранизируют население и отнимают у бедных жителей и вдов средства к пропитанию».

Резким и основным противником цехов является купец-предприниматель, который стремится вырваться из-под цеховой опеки. В Эльзасе в 1754 г. цехи Мюльгаузена обращаются с жалобами на мануфактуристов (Гоффера, Рислера и др.) и с требованием запретить им заниматься бумагопрядением. Обвиняемые защищаются ссылкой на то, что «они раздают работу на 30 километров в округности, где они не могут повредить интересам мюльгаузен-

¹ H. S é e, L'évolution commerciale et industrielle etc., p. 274.

² H. S é e, La France économique sous la monarchie censitaire, 1927, p. 82.

³ Это связано разумеется с ростом кораблестроения. Бордо в XVIII в. был главным центром морской торговли Франции, его обороты достигают 250 млн. ливров; через порт проходит четверть всей морской торговли Франции (см. у S é e, L'évolution, p. 180).

ских корпораций». Магистрат запретил заниматься прядением хлопка в самом Мюльгаузене, но разрешил за пределами его, там, где оно не могло бы причинить вред корпорации. Победа остается фактически за мануфактуристами, и «начиная с 1755 г. домашняя промышленность распространяется в долинах Верхнего Эльзаса»¹.

В чулочновязальном производстве цехи пытаются ограничить производство в нескольких городах и во всяком случае — ограничить его городской чертой. Что это не удастся, видно из ряда тщетных предписаний «вернуться в город» (в Амьене — в 1717 г., в Лангедоке — в 1720 г. и т. д.). Разумеется речь не идет об отдельных ремесленниках или подмастерьях — «на юге нашли ловкий способ обойти запрещение: фабриканты Нима достали свидетельства о принадлежности к цехам для рабочих в предместьях и особенно в деревне; таким образом чулочновязальные станки (которыми снабжали предприниматели рабочих — В. Д.) нашли широкое распространение в деревне»².

В производстве тонких полотен Камбрэ и Балансьена во второй половине XVIII в. замечается перелом — промышленность перемещается из городов в деревню; однако в самом Балансьене сохраняются значительные белильни, которыми владеют крупные негоцианты, руководящие всей промышленностью.

Совершенно понятно, почему в Труа цехи требуют запрещения деревенской промышленности, а «лично заинтересованные» «купцы-фабриканты» отстаивают ее сохранение (Vernier). Новый тип предпринимателя, которому мешала цеховая система, подчиняет себе деревенские промыслы и борется с цехами за их легализацию.

Городского предпринимателя стесняла регламентация и цеховая опека. Но даже там, где корпорации были слабы, городской рабочий оказывался с точки зрения негоцианта слишком строптивым и требовательным. Борьба между предпринимателем и рабочим, как бы малы ни были размеры производства, может быть прослежена в большинстве промышленных городов Франции; конфликты эти значительно чаще и упорнее, чем принято думать, особенно из-за заработной платы. В свете этой классовой борьбы стремления предпринимателей найти дешевых и послушных рабочих, «рассеяние мануфактуры», перенесение центра тяжести промышленности в деревни становится более понятным.

В Седане прядение и ткачество производятся главным образом в деревнях. Предприниматели объясняют это тем, что «рассеяние рабочих предупреждает опасность их коалиций и мешает дурному умыслу тех, кто объединен, сноситься между собой». К несчастью часть рабочих — ворсильщики и стригальщики —

должна оставаться в отделочных мастерских Седана: «это одно из опаснейших человеческих сообществ, они диктуют законы et ils sont durs»¹.

Предприниматель ищет дешевых рук; он может найти их только в деревне, где процесс разложения крестьянства пошел уже довольно глубоко. «Незачем долго размышлять, — пишет руководитель мануфактуры шелковых кружев в Cosne, — если рабочие руки обойдутся значительно дешевле, чем в окрестностях Парижа, и если нельзя опасаться конкуренции другого предприятия, на которое население работает»².

Внимательный и вдумчивый наблюдатель и физиократ Бакалан в своем докладе о путешествии в Пикардию, Артуа и Фландрию (1768 г.) подчеркивает, что в Аббевилле «свобода деревенской промышленности имела своим счастливым последствием снижение зарплаты на 1/6. За штуку сукна платят вместо 17 — 14 л. По мнению Мерика (крупного фабриканта) платили бы по 25, если бы не конкуренция деревенских рабочих. Этот фабрикант уверял меня, что предпочитает деревенских рабочих городским, по большей части распущенным и пьяницам»³.

Сам же Тарле указывает, что «современники издание закона 1762 г. объяснили исключительно (разрядка наша — В. Д.) стремлением удешевить плату за труд». Клико-де-Блерваш разъяснил закон так: «не следует ли желать распространения (фабрик) в окрестностях, где потребности меньше и жизнь дешевле, где вследствие этого заработная плата ниже, а это преимущество имеется только в деревнях. Именно волею этого администрация в 1762 г...» и т. д.⁴

Свободы деревенской промышленности, свободы эксплуатации полупролетаризованных кустарей требует предпринимательская буржуазия. «В сохранении и расширении деревенской промышленности заинтересовано большинство фабрикантов», — делает общий вывод для Нормандии Сион⁵. Зависимость деревенских кустарей от крупных предпринимателей и заинтересованность последних в возможно более широком развитии деревенской промышленности подчеркивает Лефевр для всего северного района. «Те и другие (снабжавшиеся и неснабжавшиеся сырьем кустари) — и это самая характерная черта деревенской промышленности — зависели в конечном счете от крупных негоциантов, так как они работали на экспорт и не имели со-

¹ Schmidt, La draperie à Sedan («Revue d'histoire des doctrines économiques», 1912).

² Hardy, La localisation des industries dans la généralité d'Orléans, («Mémoires et documents», v. III).

³ «Revue d'histoire des doctrines économiques», 1908, v. I, «Observations faites par M. de Bacalan».

⁴ Тарле, Рабочий класс, т. II, с. 81 и прим.

⁵ J. Siou, Les paysans de la Normandie, p. 179.

¹ Lévy, Industrie cotonnière en Alsace, p. 11—12.

² Ballot, p. 268—269.

вершенно связи с рынком... Городские негоцианты извлекали пользу из деревенских промышленников в ущерб городским ремесленникам. Главным преимуществом для негоциантов было наличие дешевой силы и возможность совершенно свободно осуществлять капиталистическую концентрацию, объединяя в своих руках производство и торговлю»¹.

Именно давление предпринимателей играло решающую роль для правительств, которое, с другой стороны, стремилось «улучшить печальное положение крестьян, отразить недовольство, возможные бунты, притти на помощь бедневшим крестьянам, занять безработных»². Мануфактурист мог найти в деревне дешевле рабочие руки, потому что во французской деревне были крестьяне, почти или совсем лишенные собственности, готовые основное время уделить работе на мануфактуре. Как и в России, во Франции мануфактура проникла в деревню лишь на определенной стадии разложения крестьянства³.

«Час пробил для цехов» не тогда, когда деревенский кустарь получил право производить: все данные говорят за то, что еще в значительно более ранние времена развились кустарные промыслы; не самостоятельный кустарь страшен был ремесленнику. «Час пробил тогда», когда городской предприниматель, «marchand-fabricant» обходным движением создал в деревнях новые промышленные центры в противовес корпоративным городским центрам.

Это расширение деревенской промышленности является закономерным явлением, выясненным Марксом, соответствующим капиталистической эволюции всех стран. Оно имело место и в Англии, и в бельгийской Фландрии, и в России: деревня превращается в своего рода «гинтерланд» для капиталистической мануфактуры.

Пиренн в своем докладе на Лондонском мировом конгрессе историков обобщает этот факт для всех стран Западной Европы: «если цеховые организации продолжают существовать, то они больше не господствуют над организацией труда. Появляются новые индустрии, которые, чтобы вырваться из-под мелочной опеки муниципальных властей, располагаются в деревнях. Рядом со старыми привилегированными городами, которые прозябают, появляются молодые мануфактурные центры;

¹ G. Lefebvre, Les paysans du Nord, v. I, p. 284. Любопытно сопоставить с этими выводами Сиона и Лефевра положение Е. В. Тарле: «Деревня давала тон всей промышленной жизни провинции». «Деревня сделала невозможным для города повинные регламенты».

² Naugy, указанная статья (mémoires et documents), III.

³ «Параллелизм между фактом развития сельской кустарной промышленности и фактом умножения числа лиц, едва обеспеченных в земельном отношении», был отмечен и Лучицким.

в Англии: Шеффилд, Бирмингам, Ливерпуль; во Фландрии: Hondshoote, Арлентьер; Вервье — в Льежской области»¹.

Предприниматель борется с городскими ремесленниками, превращает деревенского кустаря в мануфактурного рабочего. В других формах та же борьба с мелкой собственностью за превращение свободного труда в наемный происходит в угольной пр-сти.

Обезлесение Франции, рост промышленного спроса на топливо делают чрезвычайно прибыльным угольное дело. Накопленные капиталы в стране устремляются к углю, но препятствием является мелкая крестьянская собственность на угольные залежи: крестьянин «царапает землю» и сам извлекает из нее уголь. Как указ 1762 г. сметал мануфактуристам препятствия для проникновения в деревню, — указ 1744 г., нарушая права собственности, открывал капиталу дорогу в угольную промышленность. Право добычи было предоставлено не собственникам угольных местонахождений, а исключительно получавшим от правительства концессию на право разработки, — своеобразная «полунационализация» угольных залежей! Крупные концессионеры, — большей частью богатые буржуа, так как постройка шахт, поддержание их деятельности, оплата рабочей силы требовали очень значительных издержек, — получают право явиться на крестьянский участок, уничтожить мелкую шахту исконного владельца местонахождения².

Начинается ожесточеннейшая борьба мелких собственников, не желающих превращаться в наемных рабочих, против концессионеров, доходящая до вооруженных столкновений. В Оверни например в 1779 г. на шахту концессионера напали 500 крестьян и ограбили ее. Через несколько дней к ним присоединились 2000 окружающих крестьян и рабочих; толпа добывается освобождения трех арестованных, исход борьбы решается драгунами. Против другого крупного промышленника Тюбефа, пытающегося закрыть крестьянские шахты, движение мелких собственников возглавляет епископ Нарбоннский, владевший сам шахтой неподалеку³. «Все ли равно — быть собственником или простым рабочим? Руки, которые обрабатывали перешедшую по наследству шахту, станут руками наемника». Крестьянские петиции всячески сопротивляются этой перспективе, от слов перехода к насильственным нападениям на концессию (Кармо, Rive de Gier, Montcenis, Graissessac), запрещению возчикам перевозить уголь

¹ H. Pignone, Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme, Bruxelles 1922.

² См. чрезвычайно интересную для характеристики классовой борьбы в предреволюционной Франции работу M. Rouff, Les mines de charbon en France, 1922.

³ Rouff, указанная книга, с. 140—141, 144, 156—157. Одни лишь расходы на покупку свечей в Анзенских копях составляют 30 тыс. ливров в год.

и т. д. Часть мелких собственников, сломленная в этой борьбе, превратилась в наемных рабочих крупных угольных компаний.

Расцвет капиталистической угольной промышленности был еще впереди: однако эта борьба сравнительно крупного капитала с мелкой собственностью в угольной промышленности как нельзя более соответствует борьбе буржуазии с цехами. Все это сходные, близкие ряды явлений. Указы 1744 и 1762 гг. — законодательные акты, типичные для мануфактурной стадии капитализма.

VII

За последние два десятилетия в историографии всей эпохи XVI—XVIII вв. происходит определенный перелом. Сроки возникновения промышленного капитализма отодвигаются все дальше, — это делает «манчестерская школа» для Англии, Пирени для Бельгии и всей Западной Европы, новейшие изыскания по экономической истории во Франции. В той или иной мере это движение несомненно соответствует изменению исторических взглядов, обозначившемуся в историографии средневековья.

Без сомнения классовые мотивы прежде всего толкают к этому пересмотру. Стремление изгнать самое понятие о возможности революционного прыжка в экономическом и социальном развитии подталкивает к растягиванию сроков существования промышленного капитализма и упразднению самого понятия «промышленная революция». Их очень ясно выразил Н. Hauser: «еще меньше, чем революция политическая, экономическая революция никогда не представляет собой скачка (saltus)»¹.

Классовые влияния обуславливают позицию французских буржуазных историков. Промышленный подъем Франции XX в., ускорение темпа индустриализации подталкивают буржуазных историков к пересмотру обычных представлений о промышленной отсталости их родины. Тот же самый Н. Hauser, особенно активно защищающий этот пересмотр, крайне благосклонно отнесшийся к работе Балло, возглавил в 1915 г. «Национальную ассоциацию экономической экспансии», доказывая в своих работах, что «время, когда Франция могла оставаться исключительно сельскохозяйственной страной, прошло. У нас нет выбора... Мы вступили на путь к индустриальному государству... Разве наше сельское хозяйство не стоит перед решением: индустриализироваться или погибнуть?»² Сборники Науега, тесно связанного с промышленными кругами, находятся под особым покровительством министров торговли. Те же влияния сказываются на работах Балло, на его

¹ Н. Hauser, *Les débuts du capitalisme*, Alcan 1927, p. 320.

² См. Ungern-Sternberg, *Grundzüge der französischen Volkswirtschaft*.

положений о роли государственного вмешательства, об эволюционном характере развития промышленности.

Совершенно несомненно, что общий вывод Балло о торжестве машинизма во Франции 1815 г. должен быть оспорен, как и его тезис о решающей роли государственного вмешательства¹. Нужно однако отметить, что условия выхода книги (после смерти автора) вызвали в ней целый ряд противоречий. Наряду с тезисом о «торжестве машинизма к 1815 г.» там есть и совершенно противоположное утверждение, что «единственной отраслью, которая действительно трансформировалась между 1792 и 1815 гг., «была шерстяная»; если исключить это превращение в шерстяной промышленности и прогресс, достигнутый в шелковой благодаря изобретению Жаккара, нужно признать, что технические улучшения, осуществленные между революцией и концом империи, были самыми ограниченными (*les plus restreintes*); паровая машина нашла свое применение только в угольной промышленности»².

Однако кроме этих неприемлемых выводов важно, что в характеристике отношений в промышленности предреволюционной Франции факты заставили Балло занять позицию, совершенно противоположную «русской школе». В рецензии на книгу Леви еще в 1913 г. Балло формулировал свою позицию так: «В Эльзасе, как и во всей Франции, капитализм предшествовал... машинизму; в конце XVIII в. текстильная промышленность ясно представляет черты капиталистической формы домашней промышленности; к концентрированной промышленности перешли через ткацкую мастерскую»³. Не случайно, что часть работы, касающаяся развития предреволюционной Франции, Балло хотел озаглавить: «Крупная промышленность перед введением машин» (к 1780 г.)⁴. Этот основной вывод о характеристике

¹ См. обзор работ по промышленной революции Ф. Потемкина («Архив Маркса», т. IV).

² Ballot, p. 35. Глава, характеризующая деятельность крупных текстильных фабрикантов Bawens'a и Ришар-Ленуала, заканчивается выводом, что плодом их деятельности является натурализация во Франции хлопчатобумажной промышленности со всеми новейшими способами производства и «что замечательнее всего, применительно к совершенному усилию и осуществленному делу, что это происходило без того, чтобы правительство вмешалось как-либо иначе кроме минимального поощрения», — утверждение, совершенно противоположное тезису в той же главе о том, что хлопчатобумажная промышленность существовала «только благодаря покровительству правительства» (там же, с. 112 и 135).

³ «Revue de synthèse historique», 1913, рецензия Ch. Ballot на кн. R. Levy (p. 312—319).

⁴ Редактор Жевель отказался от этого заголовка: «мы не считаем нужным ставить вопрос в этой форме». Самую книгу Балло собирался назвать «Начало крупной промышленности во Франции», исходя из того поло-

предреволюционной промышленности является еще одной иллюстрацией правильности марксовой теории стадий капитализма.

Буржуазные историки, отвергающие Маркса, не в состоянии дать обобщающей характеристики экономического строя Франции, примирить противоречия между преобладанием мелкого производства и значительным ростом элементов капитализма. Сэ считает, что в предреволюционной Франции «дело идет только о торговом капитализме, который предшествует и порождает капитализм промышленный», «капиталистическая промышленность еще не торжествует»¹, наоборот Hauser говорит о «господстве капитала». Балло признает, что «капитализм предшествовал машине».

Этот разброд может быть преодолен только на основе принятия марксовой схемы экономической истории, признания господства перед революцией мануфактурной стадии капитализма. Метод Маркса еще раз доказал свою безусловную пригодность и правильность: народническая историография, освеженная бюхерианством, потерпела поражение и в изучении экономической истории Франции.

женины что «не машины создали во Франции крупную промышленность, они ее развили и преобразовали» (см. введение Gevel'я).

¹ S é e, L'évolution commerciale, p. 298; «Revue de synthèse historique» (ст. под тем же названием, с. 83).